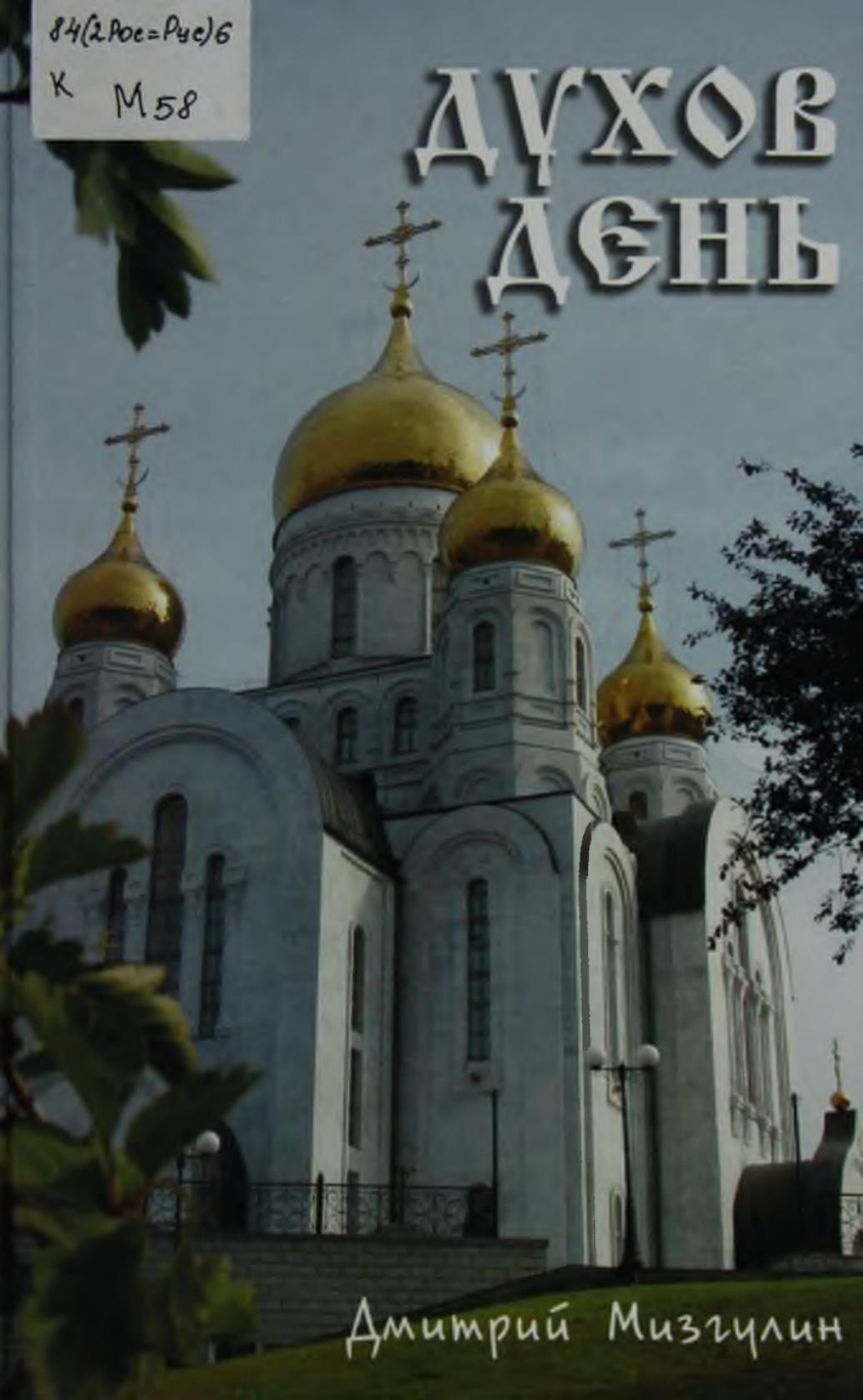

84(2.Рое=Руч)6

К М.58

ДУХОВ ДЕНЬ

Дмитрий Мизгулин

ХРАМ СВ. ПРП. СЕРАФИМА САРОВСКОГО
БЕЛОЯРСКИЙ

ХРАМ «ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ»
ХАНТЫ-МАНСЙСКИЙ

ХРАМ «СВЯТОГО ДУХА»
НЕФТЕЮГАНСКИЙ

ХРАМ СВ. ПРП. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО
ЮГОРСКИЙ

ХРАМ «РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ»
БЕРЕЗОВО

ХРАМ «РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА»
НИЖНЕВАРТОВСКИЙ

ЛАНГЕДАС

МЕГНОН

ИЛЯКЪ

СУРГУТ

РАЗЖИДА

ПЫТЬ-ЯХ

Дмитрий Мизгулин

ДУХОВ ДЕНЬ

Екатеринбург

«Сократ»

2006 — 0117067-2 —

Государственная
библиотека
Югры

КО

ББК 84Р7

М 57

Мизгулин Д.А.
М 57 Духов день. — Екатеринбург: Издательство
«Сократ», 2006. — 176 с.

ISBN 05-88664-219-6

В пер.: 1000 экз.

В новую книгу Дмитрия Мизгулина, лауреата Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, вошли стихи и очерки, обращенные к православной тематике и вечному поиску истины.

ББК 84Р7

ISBN 05-88664-219-6

© Мизгулин Д., 2006
© Кулешова Т., оформл. 2006
© Изд-во «Сократ», 2006

СПАСИТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО

*Всякое дерево, не приносящее плода
доброто, срубают и бросают в огонь.*

Мф. 7, 9

Всякое ли творчество способно дать плод, который бы оживил, отогрел, покрыл теплом сумрачную и греховную душу современного человека? Ответ однозначный: не всякое.

Поэзия — акт творческий, и, безусловно, результат этого акта — плод духовный. Но не всякий плод на вид и на вкус привлекателен и съедобен — можно и отравиться. Священное Писание прямо говорит о «садовниках» (творческих): «По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 20). С одним из таких садовников я познакомился несколько лет тому назад в одной из поездок по солнечной Италии. Это автор книги «Духов день» Дмитрий Мизгулин.

Так о чем же он тревожится и чего желает людям и себе?

*Пусть теплота Святаго Духа
На нас, сердешных, снизойдет...*

Поэт понимает, что без Божией благодати невозможно никакое спасительное творчество.

Болью отзывается в его сердце нравственное состояние современного общества, хотя поэт и не обольщается прошлым:

*...Не всякий знал и в те года
К Любви дорогу,*

*Но каждый грешник был тогда
Поближе к Богу.*

Автор книги размышляет: доколе же общество будет находиться в духовной слепоте? И делает вывод:

*...И будет смех подобен стону,
И будет властвовать обман,
Покуда мы как на икону
Взираем на цветной экран.*

В чем же причина духовного дисбаланса? По мнению поэта — не слышим голоса Творца:

*Нынче чародеев, звездочетов
Слушаем, как будто бы святых,
Всё гордимся точностью расчетов,
А бредем, как сонмище слепых.*

Конечно, не только невежественный в религиозном отношении народ — кузнец своего счастья, но и его учителя имеют, мягко говоря, невнятное представление о людском благе:

*Вожди про счастье говорят:
Мы у порога.
И как-то смутно, невпопад
Вдруг вспомнят Бога.*

Дмитрий Мизгулин — тонкий, чуткий и наблюдательный поэт, с хорошим вкусом и мягким чувством юмора. Он не кичится своим талантом, не стремится ко всяким замысловатостям и поэтическим трюкам, не сражает наповал читателя, не парализует ум и воображение модной архитектурной стиха, а, наоборот, предлагает нам себя как друг, как брат, готовый

поделиться тем теплом и отзывчивостью, которые благословил ему Господь.

Автор сожалеет о том, что, увлекаясь прогрессом, мы делаем ставку на него, забывая о том, что никакое изобилие материальных благ и расцвет науки еще не сделали человечество по-настоящему счастливым:

*И летит всемирный наш экспресс,
И гремит железная дорога,
И уносит дальше нас прогресс
От природы,
от Любви,
от Бога.*

Но нет безысходности в стихах поэта Дмитрия Мизгулина. Наоборот, они вселяют в нас надежду на возгорание в душах наших того благодатного Огня, который подобен иерусалимскому, ежегодно сходящему с Небес на свечу православного архиерея в Великую Субботу накануне Святой Пасхи:

*Смахну беспамятства слезу
Тяжелою рукой,
Домой с Афона привезу
Молитву и покой.
(«Афон»)*

Автор книги не замыкает свою поэтическую душу в рамки своего собственного воображения и таланта, но и насыщает ее теми благодатными Дарами, которые ниспосылает Господь православным христианам в церковных Таинствах. Он также совершает паломнические поездки по Святым местам, и маршруты их самые разные: это и Святой град Иерусалим, и вечный город Рим, и многочисленные монастыри нашей необъятной Родины, ныне восстающие, как птица Феникс из пепла, и, наконец, святая гора Афон.

Греция. Предлагаемый читателю очерк «Под покровом игумены горы афонской» знакомит нас с православной Грецией и, в частности, с Небом на земле — Афоном. Зоркий глаз очеркиста Дмитрия Мизгулина фокусирует наше внимание на религиозно-историческом аспекте описания паломничества.

Дорогой читатель, Вы держите в руках плод долгих размышлений автора о Боге и человеке, о разных дорогах и тропинках, по которым бредет человеческая душа, и единственном пути, ведущем к Истине. Это плод добрый. Вкусите его.

*Клирик Князь-Владимирского собора,
что в Санкт-Петербурге,
протоиерей Виктор Грозовский*

*ЗВЕЗДЫ
ДАЛЕКОЙ СВЕТА*

* * *

Морозы грянули. Крещение.
Озябли птицы и слова.
У Господа прошу прощенья
Под сводом храма Рождества.

Здесь не обдумывают речи.
Здесь и покой, и тишина.
Мерцаая, тускло тают свечи,
Как непрощенная вина.

Как тяжек груз грехов незримый,
В запасе – годы или дни?
Расплата ждет неумолимо –
Спаси, прости и сохрани...

На паперти сидит старуха,
Прохожий сумрачный идет...
Пусть теплота Святого Духа
На нас, сердешных, снизойдет...

* * *

Кружась во всемирном потоке,
Мечтали достичь высоты,
Хотели пожить, как в Европе,
Разинули, глупые, рты.

А все обернулось иначе –
В привычной сумятице дней
Богатые – стали богаче,
А бедные – стали бедней.

Как крепко засела в народе
Премудрость прошедших веков,
О братстве мечта и свободе –
Извечный удел дураков.

Как будто о нас, идиотах,
Болят у француза душа...
Теперь на иных оборотах
Телега скрипит не спеша.

Печалиться, впрочем, не надо.
Виновных не стоит пороть.
Бредущее медленно стадо
Пока не оставил Господь.

* * *

Молюсь исправно Богу. Но
Не вяжутся слова молитвы.
Душа – как будто поле битвы,
В ней все огнем опалено.

Горит в ночи моя свеча.
Казалось бы – читай, внимая,
Но вещей слов не понимая,
Бросаю книгу сгоряча.

Но слышу – я еще не глух, –
Как тень звезды скользит по крыше.
Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать.

* * *

Так повелось уж на Руси –
В года напасти
Молились: Господи, спаси,
Ругали власти.

И ждали доброго царя,
И ждали чуда.
И ждал, огнем греха горя,
Свой час Иуда.

И поднимался супостат,
Сгущались тучи,
Но все молили – стар и млад –
О жизни лучшей.

Теперь иные времена,
Но те же нравы.
Опять низвергнута страна
В кануи кровавый.

Опять надежда, и тщета,
И безземелье.
В домах и душах – нищета,
В баншках – похмелье.

И в бездну тысяча чертей
Россию тащат...
Но раньше все-таки детей
Рожали чаще.

И так же пусть гремит гроза,
Но утром рано
Мерцали в доме образа,
А не экраны.

Не всякий знал и в те года
К Любви дорогу,
Но каждый грешник был тогда
Поближе к Богу.

* * *

Не зная, что будет наверно,
На ощупь плетемся впотьмах,
Мы все преисполнены скверны
И в мыслях своих, и в делах.

И всюду царит непреложно
Немая, безбожная ночь.
Ужели и вправду так сложно
Хоть в малом себя превозмочь?

Ведь все, что в душе накопело,
Давно исцелил бы Господь,
Когда бы не брренное тело,
Когда бы не глупая плоть,

Когда бы, лихой и отважный,
Смирив выраженья лица,
Молитву, хотя бы однажды,
С душой прочитал до конца.

* * *

И снова март. И снова слякоть.
И снова все наоборот.
И будет тощий диктор каркать,
Что все когда-нибудь пройдет.

И будет смех подобен стону,
И будет властвовать обман,
Покуда мы как на икону
Взираем на цветной экран.

* * *

Мгновеньем надо дорожить,
А не оплакивать потери.
Все ждем. А надо бы спешить.
Немного нам Господь отмерил.
Открылись нам в рассветной мгле
Врата небесного чертога...
А мы все тщетно ищем Бога
На этой суетной земле.

* * *

Не понять нам теперь, все одно,
Величавость прошедших времен.
Только смутно доносит кино
Шорох платьев и шелест знамен.

Книга дрогнет в усталой руке,
И мечтаний рассеется дым –
Мы на разном совсем языке
Пишем, думаем и говорим...

Но как прежде – лепечет листва,
Так же птицы поют по утрам,
И все те же молитвы слова
Наполняют предпраздничный храм.

Не коверкай эпохи итог,
Удержись на крутом вираже,
Ведь покуда природа и Бог
Одичать не позволят душе.

* * *

Он шел толпе наперекор
И, выйдя из водоворота,
Перекрестясь, вошел в собор,
Прикрыв тяжелые ворота.

И отступила темнота,
На паперти застыли тени,
Он встал пред Образом Христа
И опустился на колени.

Кто был он – мытарь или вор?
Просил прощения? Покая?
Но всем чертям наперекор
Крестился правою рукою...

Он слов молитвы не учил,
Но все же как-то изъяснялся,
И отблеск от его свечи
Под самым куполом метался.

Он вышел, осенью дыша,
И, деньги раздавая нищим,
На миг почувствовал – душа
Затеplилась на пепелище.

Вот так, превозмогая тьму,
Он утолил свои печали.
И нищие вослед ему:
«Храни Господь тебя!» – кричали.

* * *

В рыбах есть что-то змеиное,
В людях есть что-то звериное,
Что-то расчетливо-склочное,
Неуловимо порочное,
Злобное и осторожное,
Неистребимо безбожное.

* * *

Всё учились на чужих примерах,
Как прожить легко и не спеша.
Ни любовью светлую, ни верой –
Суею наполнилась душа.

Метили в Америки, в Европы, –
Только не для нас был званый пир.
Нынче лотереи, гороскопы
Составляют наш духовный мир.

Нынче чародеев, звездочетов
Слушаем, как будто бы святых.
Всё гордились точностью расчетов,
А бредем, как сонмище слепых.

Ни стыда не ведая, ни срама,
С просьбами о счастье на устах,
Всё толчемся в православных храмах,
Словно бы в присутственных местах.

* * *

Зачем летали на Луну,
Чего искали?
А всю огромную стану
За ночь проспали.

А всё пытались обличить
Отсталость века...
Не можем даже грипп лечить
У человека.

И с отречением спеша –
Глухи и громки...
А что душа? А что душа?
Душа – потемки.

Вожди про счастье говорят:
Мы у порога.
И как-то смутно, невпопад
Вдруг вспомнят Бога...

Куда кого тягать силком,
Никто не знает.
Свеча под глиняным горшком
Едва мерцает.

* * *

Когда-нибудь настанет час,
И неизбежное случится,
И вот надежды тонкий пласт
Под ветром страха истончится.

И вот сомнение мое
Сквозь камень знаний прорастает,
И верится, что бытие
Сознание определяет.

И вот приходит новый век,
А вместо Библии – экраны...
И верится, что человек
Произошел от обезьяны.

Крыла беды раскинет ночь,
И пустота в родных могилах.
Чем я могу тебе помочь?
Я сам себе помочь не в силах.

На счастье или на беду
Господь послал такую участь.
Лесной дорогою иду,
О будущем уже не мучась.

Чуть слышны птичьи голоса,
Листвы таинственной движенье,
И отразили небеса
Сирени белое кипенье...

Забытый скит. Притихший лес,
Где тишина развеет тугу.
Где только деревянный крест
Хранит безмолвную округу.

* * *

Жизнь – работа. И перечень дел.
Нет привычным заботам предела.
Не заметишь, как сын повзрослел.
Не заметишь, как мать постарела.

О зснном суетясь и скорбя,
Не заметишь, как сердце остынет.
Хоть мгновенье оставь для себя
В мире зависти, скорби, гордыни.

Но отсчитаны сроки уже,
Бестолково петляет дорога.
В переполненной мглою душе
Места нет для покоя и Бога.

* * *

Гордились долго – чужь и воль –
А вот уж в Космос полетели...
Лишил нас разума Господь,
И мы как листья облетели.
Что толку – царь ты или князь,
Хрустят обманчивые льдинки,
И скоро всех нас втопчут в грязь
Американские ботинки.

* * *

Друг мой, а что же делать мне,
Когда метель во мгле закружит,
Когда вдруг сердце занедужит
В чужой, богатой стороне...

Когда ты сам и сыт и пьян,
Когда в доме твоём достаток,
А все вокруг – один упадок,
Во всем вокруг – один обман.

И что же делать мне, скажи,
И как унять мои тревоги,
Когда кружатся миражи
Поземкой стылой по дороге...

* * *

Живя в эпоху перемен,
Напрасно не ищи покоя,
Судьбой начертано другое –
Не попадись в позорный плен.

Живя в эпоху перемен,
Старайся отойти от мира,
Держись подальше от кумира,
На чьих устах смертельный тлен.

Живя в эпоху перемен,
Бывай почаще на природе
И одевайся по погоде,
Пусть даже если ты спортсмен.

Живя в эпоху перемен,
Старайся не забыть о главном
И сделай из железа ставни –
Не создавай себе проблем.

Живя в эпоху перемен,
Не суетись и успокойся,
Молись – и ничего не бойся,
Ни расставаний, ни измен...

И ветром перемен дыша,
Не утруждай себя работой –
Твоей единственной заботой
Пускай останется душа...

* * *

Долгий год. Тяжелые утраты
На счету у каждого из нас.
Родина, великая когда-то,
Стала хуже нищенки сейчас.
Сын ее, румяный и пригожий,
Весело по улице идет,
Для нее, болезной, медный грошик
В импортном кармане не найдет.

* * *

Мы хороших не ждем новостей,
Катастроф стало больше, пожаров.
Стало меньше хороших людей.
Стало больше хороших товаров.
Стали меньше читать и писать.
Пить, пожалуй, – побольше, чем прежде,
И спнеет сомнений печать
На еще не окрепшей надежде.

* * *

В церковь ходим и крестим лбы.
Потому что боимся смерти,
Потому что боимся судьбы,
Непонятной ее круговерти.

От житейских уставши битв,
Скорбно Слову в храме внимаем
И родные слова молитв
С удивлением понимаем...

И на ощупь идя впотьмах,
В отрицанье не знаем меры,
И гнетет нас, сердешных, страх,
И в сердцах не хватает веры...

* * *

Словно из болотного тумана
Проступает странный силуэт –
Телевизионного экрана
Бледно-голубой, чадающий свет.

В век духовной суеты и стресса
Видим электрические сны,
В путях пресловутого прогресса,
Словно бы в цепях у сатаны.

А и то сказать – живем неплохо.
Техника вокруг – как ни крути...
Далеко продвинулась эпоха,
Дальше просто некуда идти.

* * *

Вокруг такая суэта,
Что не смешно уже, а больно,
И пройдена давно черта,
И поздно говорить – довольно.

И не тверди о том, что все...
Что все пачертано судьбою,
Настанет час – во всей «красе»
Предстанет дьявол пред тобою.

И если дрогнешь – все отдашь,
Предав и тех, кого не знаешь...
Но если вспомнишь «Отче Наш»,
То ничего не потеряешь.

СТАРАЯ ЛАДОГА

Молчат над Волховом курганы,
Былинный ворон чертит высь,
Страстей вселенских ураганы
Давно в могилах улеглись.

Смотрю, как волховские волны
Стремятся в ладожский простор,
И глупым кажется, никчемным
Любой серьезный разговор.

Что наши страсти и сомненья,
Пустопорожные слова...
Склоняется без сожаленья
Под ветром летняя трава.

Сжимая памяти обмылок,
Бреду, молитвою храним...
И вечность дышит мне в затылок
Немым язычеством своим.

* * *

Весной обычно спится плохо.
И беспокойно на душе.
Апрель. Кончается эпоха,
Скрипит Земля на вираже.

А мне твердят, что невралгия:
Поменьше есть, поменьше пить.
Но мир другой. И мы другие.
И ничего не изменить.

А нам рассказывают сказку,
Что жизнь безумно хороша,
Но так близка уже развязка,
Когда в огне сгорит душа.

Объял планету адский пламень,
Кругом беда, кругом война.
Я в храм войду. И пусто в храме.
И в храме Божьем — тишина.

И посреди всемирной битвы
В канун вселенского конца
Шепчу слова своей молитвы,
Как бы от третьего лица.

* * *

Предвижу скорую разлуку,
Но счастием не дорожу.
Меняю суету на скуку,
По лесу зимнему брожу,

Листаю памяти страницы,
Вдыхаю снежный дух хвои,
И желтогрудые синицы
Щебечут, словно соловьи...

Здесь тишина меня подлечит,
И одиночеством томим,
Пойду опять судьбе навстречу,
Твоей молитвою храним.

*В СТАРОЙ КОРОЛЕВСКОЙ
ОБСЕРВАТОРИИ*

Господь определил судьбу:
Кто — в адмиралы, кто — в поэты.
Ему — разглядывать в трубу
Чужие звезды и планеты.

Трудился много лет подряд
И познавал устройство мира...
И небо все твое, и сад,
И эта тесная квартира.

Но ни иконы, ни креста,
Ни Библии я здесь не видел...
А в целом же судьба проста:
Жизнь прожил — мухи не обидел.

Тускнеют, ослабев, глаза,
И плечи сгорбились убого...
Всю жизнь смотрел на небеса,
Да так и не увидел Бога.

* * *

Жить хотелось бы получше,
Не меняя ничего...
Все надеемся на случай,
На удачу — как в кино.

С замираньем из столицы
Ждем дурацких новостей,
Свято верим в небылицы,
Ждем неведомых гостей.

Ходим в храмы. Ставим свечи,
Ждем спасительных идей,
Слушаем пустые речи
Распустившихся вождей.

О земном мечтая рае,
Ищем следствий и причин.
Потихоньку вымираем,
Понимающе молчим.

ДУХОВ ДЕНЬ

Как в предчувствии скорбной беды,
Шевельнется тревога змеею:
Человек состоит из воды,
А когда-нибудь станет землею.

Жизнь промчится — исполнится срок,
Будет имя твое позабыто.
И развеется прах и песок
И от мрамора, и от гранита.

Все земные законы круша,
Время мчится, сметая преграды...
Но бессмертной пребудет душа.
Вот о ней-то подумать и надо.

На разочарования — плюнь.
Жизнь проходит — и что тут такого...
Скоро Троица. Праздник. Июнь.
День сошествия Духа Святого.

ЗИМА

Застыли великие реки,
Притихли нагие леса.
От сумрачной хмари навеки
Очистил Господь небеса.

Прозрачны промерзшие дали,
И видится так далеко,
И осени хмурой печали
Развеялись утром легко.

Не так ли, в сомненьях запутан,
Нисходишь во мрак не спеша,
Но вдруг в роковые минуты
Становится зрячей душа.

* * *

Компьютеры, ксероксы, факсы.
И биржи. И курсы валют.
Меняем на марки и баксы
Души перевозданный уют.

Но, как ни крути, на кладбище
Тебя все равно понесут.
Богатый ты был или нищий, —
Предстанешь на Божеский суд.

И поздно поймешь, что не зритель,
Что это уже не кино,
И будет бесстрастным Спаситель,
И яростным будет вино.

Телевизионным пророкам
Ты снова поверить готов.
Что ж, всерь предсказателям сроков,
Люби толкователей снов.

Мерцает во мраке планета.
И звезды, как свечи, горят.
И в цепких сетях Интернета
Блуждает душа наугад.

ПОЗАБЫТЫЙ ПОГОСТ

КИТЕЖ-ГРАД

Где ты, где ты, мой Китеж-град?
Над тобою сомкнулись воды,
И протяжные хороводы
Над тобою чайки кружат...
Где ты, где ты, мой Китеж-град?

А вполнеба — полночный свет
Звезд далеких, иных планет,
Неизведанных и нетленных.
Подо мною — вода и дно,
А потом все опять одно —
Бесконечная даль Вселенной.

Где ты, где ты, мой Китеж-град?
Я раздумьям своим не рад.
Лишь сомкну воспаленные вски —
Заклубив куполов пожар,
Опускаешься в светлояр,
Поднимаясь над миром навеки...

Но поднимутся ль из воды
Купола твои и сады,
Переполненные плодами?
Может, не было их и нет,
Но струится лазурный свет
В небесах высоко над нами.

Все пройдет и развеется в прах.
Все сгорит на твоих кострах.

И неведомый миг настанет —
И окончится долгий плен,
И навязчивых истин тлен
В вечность канет...

А пока — на полнеба луна,
Да качает лодку волна,
Да уключина тихо скрипнет.
И кругом на сто верст — тишина.
И в молчании — леса стена,
Только птица ночная вскрикнет.

РАЗДУМЬЯ В СТЕПИ

В пустыне властвует самум.
И степь не знает постоянства,
Куда исчез Каракорум —
Столица Золотого ханства?

А ведь отсюда шла Орда
В свои кровавые походы,
Уничтожая города,
Пленяя страны и народы.

И город был от бед храним,
И от пожара, и от сечи.
Но меч судьбы висел над ним;
Был град велик, но не был вечен.

А по Руси найдешь едва
Огнем нетронутого града,
А сколько раз была Москва
Сожженной в битвах и осадах?..

Но вновь восстали, поднялись
Из пепла города России,
И купола тянулись ввысь
Ажурные и золотые...

Очнись от набежавших дум,
Вгляжусь в бесстрастное пространство:
Куда исчез Каракорум —
Столица Золотого ханства?

Закон истории жесток.
Все мерит время мерой строгой.
Холмы. Нагая степь. Песок.
Луна над пыльной дорогой.

ДОРОГА ЧЕРЕЗ КЛАДБИЩЕ

Тесно стало на кладбищах русских.
Громоздятся тяжелые плиты,
И проходы немислимо узки,
И кресты, и ограды разбиты.
Ну, а рядом грохочет дорога,
Деловито и невозмутимо.
Ненадолго забытые Богом,
Изменяемся неуловимо.
Нет мгновенья, чтоб скорбно и тихо
Постоять у родимой могилы.
И гремящее, грозное лихо
Забирает последние силы:
Чтобы чувства и глуше, и тише,
Чтоб душа не томила в тревоге,
Чтоб я голоса мамы не слышал
Из-за этой проклятой дороги.

* * *

Дымится мгла морозного тумана,
И первый снег отяжелил листву.
И то, что было призрачно и странно,
Отныне проступает наяву:
Покатых крыш немые очертанья,
Высокой церкви черный силуэт,
А в небесах под сводом мирозданья
Далеких звезд лампадный, тусклый свет.
И на сто верст — ни недруга, ни друга,
И на сто верст — глухая тишина.
И в снежный мрак погружена округа,
Чуть теплится тяжелая луна.
И сколь мне в пути еще осталось
Брести среди заснеженных могил...
Когда-то Русь и пела, и смеялась,
А нынче даже плакать нету сил.

* * *

Остывает родная земля.
Зарастают травой пепелища.
Пусто стало на русских полях.
Тесно стало на русских кладбищах.

Возвратились Самара и Тверь —
Только разве что с этим и вышло.
За базарным прилавком теперь
Русской речи не слышно...

Оборвалась ли долгая нить?
Возвратиться ль спасительной славе?
Ни прощать никого, ни винить
Мы не вправе...

Много время с собой унесло,
Нам никак не очнуться от боли.
Но что было — быльем поросло,
И еще не распахано поле.

И не брошено семя пока,
И боюсь, как бы не было поздно.
Вон, темнеют в ночи облака,
И тускнеют высокие звезды.

И змеится ковыльно былье,
Бездна мрачно зияет над нами...
И кружит, и кружит воронье
Над мерцающими куполами.

* * *

Ты ждал наступленья зимы,
Как ждут избавленья от боли,
А ветры в желтеющем поле
С утра затагнули псалмы.
Ты ждал наступленья зимы.
Ты ждал на исходе недели,
Как сказку, ночной снегопад,
А думал, совсем невпопад,
О птицах, что к югу летели.
О птицах, что к югу летят...

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Войду, как в храм, в сквозящий березняк.
Уже светает. Предрассветный мрак
Стремится ввысь, светлея, исчезает.
Туман прозрачный, истончаясь, тает.
И золотые блески там и тут,
И полон света листьев изумруд.
Еще не слышны птичьи голоса.
Вот озеро, в котором небеса
Отобразились. Я склонюсь к воде
И не увижу своего лица...

В ХРАМЕ ФЕДОРА СТРАТИЛАТА

Все спешим и спешим куда-то,
Судим яростно, сгоряча...
В храме Федора Стратилата
Одиноко горит свеча.

О, какой же был путь неблизкий
Вечной памяти и молвы
От холмов Герклеи Понтийской
И до снежных равнин Москвы...

Тусклый сумрак, развеясь, тает.
Потемневший мерцает лик,
И бесстрастно на мир взирает
Непреклонный седой стратиг.

Я почти что не различаю
Эту древнеславянскую вязь,
Незаметно, по дням, убываю,
С древним Миром теряю связь.

Что нам время и что законы,
Если все мирозданья — миг?
Но мерцает с тусклой иконы
Просветленный, священный лик.

Снег летит не спеша, и плавно,
Тихо падает он, кружась.
И теперь ощущаю явно
В этом хаосе некую связь —

Как не рвись, торжествуя и мучась,
Ввысь — от паперти до луны,
Эти судьбы и наша участь
Так причудливо сплетены...

А на улицах близлежащих
Тишина. И в окнах видны
Излученье огней дрожащих
И замерзшие блики луны.

Снег скрипит, и морозный воздух
Чуть дымится у фонаря.
Тускло в небе мерцают звезды,
Ярко в окнах огни горят.

Все на свете — смешно и тленно.
Только все же зябнет душа.
Переулок Криволинейный
Поворачивает не спеша.

* * *

Над храмом Бориса и Глеба
Когда-то кружили стрижи.
И нива бескрайняя хлеба
Скрывала канавы, межи...

А ныне — цветы иван-чая
Да плесень на стенах пустых...
И вспомнилось мне не случайно
О первых российских святых.

Не бросились в буйную сечу,
Не вырвали жизни в борьбе,
А просто шагнули навстречу
Своей беспощадной судьбе.

Под сенью Святого Покрова
Немало пришлось пережить,
Чтоб Сергей на битву сурово
Мог воинство благословить...

Но с храма Бориса и Глеба
Сорвали кресты с куполов,
И в поле, забывшем о хлебе,
Колосья бетонных столпов...

Застыну, обиды не скрою,
Но я не оглох, не ослеп.
О, как же мне горек порою
Давно не отеческий хлеб!

Спасемся ли только любовью?
Отверзнутся ль нам небеса?
Россия, умытая кровью,
Еще не открыла глаза.

* * *

Места для боли в душе не осталось,
Пламя пожара в душе отметалось.
Нынче и пепел остыл.
Было Отечество. Было — и нету.
Ветер гуляет по белому свету
Между остывших светил.

Солнце светило. А нынче — не светит.
Может, хоть кто-нибудь это заметит,
Кто-нибудь, кроме меня?
Как закружились, змеясь и ликуя,
Едкого дыма лиловые струи,
Тусклые блики огня...

Господи, дай же им разум и силы,
Дай им очнуться у края могилы,
Пусть содрогнется земля!
Или лиши меня скорбного дара
Видеть зловещее пламя пожара
Над куполами Кремля.

* * *

Не дай-то Бог, случится
Ненастная пора,
Январский ветер злится
И воет до утра.

Когда кружится вьюга
По всей родной земле,
Ни недруга, ни друга
Не отыскать во мгле.

Когда в душе тревога,
Отчаянья стена,
Когда уже дорога
Совсем заметена.

Когда луна сурова,
Когда глухая ночь,
Когда не сможет Слово
Тебе ничем помочь.

ПОЛУНОЧНЫЙ ЧАС

* * *

Учись довольствоваться малым,
Иначе – просто не прожить.
Привычкой, словно ритуалом,
Умей особо дорожить.

В эпоху суеты и смуты
Плыви с течением реки,
Цени часы. Считай минуты,
Покой душевный береги.

В водовороте модных мнений
С потоком мутным не кружись,
Не будь в плену чужих сомнений,
Почаще Господу молись.

Иди вперед своей дорогой
Без суеты и не спеша.
И помни лишь одно – для Бога
Твоя бессмертная душа.

* * *

Небеса обличительно немы,
Час затишья перед бедой.
Как подумаешь — кто мы и где мы,
За какой оказались чертой...

Череда бестолковых событий
Затянула нас в круг бесовской.
Опьяненные жаждой открытий,
Захлебнулись заморской тоской.

Тяжелеют осенние воды,
Догорают рябины огни.
Но во мраке ноябрьской природы
Вдруг наступят особые дни.

И развестся мрак постепенно,
Рябь по водам пройдет не спеша.
И как солнечный ответ, нетленно,
Встрепенется и дрогнет душа.

* * *

Была когда-то Родина. А ныне
В своей стране живу, как на чужбине,
Где дикторы с акцентом говорят,
Где исчезает человечность быта,
Где состраданье напрочь позабыто,
Где вывески английские горят.

Мы прошлого и будущего дети.
Но даже за себя мы не в ответе,
Не то, что за народ и за страну,
Мечтали о любви, о тихом счастьее
И с треском очутились в настоящем,
Как крест чужой, неся свою вину.

Наверное, старею год от года.
Виной тому не время, а природа –
Она, как ни крути, берет свое.
Но, собирая прошлое по крохам,
Я все же остаюсь в своей эпохе,
Где Дух определяет Бытие.

* * *

Умом Россию не понять.

Ф.Тютчев

И флаг у нас теперь, и гимн.
С геральдикой решили тоже.
А вот с Отечеством самим
Не получается, похоже.

Все в мире – сами по себе.
И свой шесток – всего дороже,
А мы в неистовой борьбе
Хотим все время быть похожи.

И во вселенской суете
Перемеряем все наряды...
Но мир не тот. И мы не те.
И нам давно нигде не рады.

Пурги безверья не унять.
Нет ни желания, ни воли.
Умом Россию не понять,
А если нет ума – тем боле...

В морозном вихре даль видна.
Куда летит, куда несется
Та незнакомая страна,
Что нынче Родиной зовется?

В хитросплетении дорог
Забудь условность ветхих правил,
Молись, чтоб милосердный Бог
Нас вразумил и не оставил.

* * *

Похоронив отца и мать,
Тогда не ощутил сиротства:
У молодости превосходство —
Без слез беду воспринимать.

Привычной чередой потерь
Привык вносить за счастье плату.
Так отчего же вдруг теперь
Былую ощутил утрату?

Мне снится мать. И смех отца
Доносит шум ветров далекий...
Ужели своего конца
Незримо ощущаю сроки?

Об этом думать не хочу,
И в пустоте дневного храма
Затеплю желтую свечу,
И помяну отца и маму.

И воспарит душа, легка,
И зашумит листвою лето,
И памяти моей река
Несет меня навстречу свету.

*СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА
13 АПРЕЛЯ 2001 ГОДА*

Страстная пятница. Апрель.
Молчат колокола.
А на дворе – метет метель,
Весь мир объяла мгла.

Летит и тает мокрый снег,
И сквозь метель и грязь
Бежит усталый человек,
Тростишкой наклонясь.

Спешит сквозь непогоду в Храм
Успеть. Хоть раз в году.
И в мире торжествует Хам,
Что с бесами в ладу.

Такие вот дела вокруг,
И что ни говори,
Не разомкнут греховный круг
Премьеры и цари.

Страстная пятница. Апрель.
Весь мир окутал мрак.
А на дворе метет метель,
Весной. Как Божий знак.

Времен минувших непогодь,
Последних дней лимит...
Предупреждает нас Господь,
Да все не вразумит.

* * *

Как второсортное кино,
Чужие сны смотреть устали.
Чужие помыслы давно
Как будто собственными стали.

И, новостей вдыхая пыль,
Мы жить не можем без подсказки,
И, словно собственную быль,
Чужие изучаем сказки.

Чужих мечтаний непогодь...
Как тяжело сквозь тьму наветов
Услышать, как зовет Господь
От мрака к свету.

* * *

Кругом – бардак. Кругом – бедлам.
И лишь в душе – Спаситель.
По вере вашей будет вам,
Чего ни попросите.

Темна осенняя река,
И берега в тумане.
Пусть вера ваша вам всегда
Оплотом духа станет.

Времен последних непогодь
Поземкою кружится.
Пока хранит тебя Господь,
Не забывай молиться.

Чернеет снег. Мутнеет мгла.
Луна в тумане тает.
Душа, сгоревшая дотла,
Во тьме ночной мерцает.

* * *

Смотрю телевизор, тупея,
И в тысячный раз не пойму –
Как быстро Россия, Рассея
Скатилась в кромешную тьму.

Мгновенно забыли кумиров,
Привычки сменили, спеша,
Но шествию чуждого мира
Противиться стала душа.

Господь не оставит вовеки,
Сквозь мрак бесовской проведет,
Покуда еще в человеке
Хоть искорка Веры живет.

* * *

Боже, как мы все устали
От удачи невпопад,
От железных магистралей,
От бетонных автострад,

От назойливых событий,
От тревожных новостей,
От неведомых открытий,
От напившихся гостей.

И – ни охнуть, ни вздохнуть.
И лежит наш скорбный путь
Среди шума, среди гама,
Мимо Бога, мимо Храма.

* * *

Я высказаться тороплюсь —
Отринув истину от бредней,
Спеша Спасителю молюсь —
А ну как этот день последний?

А ну как если не успеть
Связать распавшиеся строфы,
Недолюбить, недотерпеть
В канун вселенской катастрофы.

Но что с того — наверняка
Услышано не будет Слово.
Молчит осенняя река,
Назавтра мертвой стать готова.

Умолкли птичьи голоса,
И тишина гнетущей стала,
Молчат глухие небеса,
С утра нахмурившись устало.

Молчат деревья, камыши,
Молчит село. Молчит дорога.
Но зреют в глубине души
Слова, которые от Бога.

* * *

Когда ненастье на пороге
И страх гнетет в ночной глуши,
Тогда мы думаем о Боге
И о бессмертии души.

И молимся о доле лучшей,
Пытаясь соблюсти посты, –
Но лишь Господь развеет тучи,
Мы вновь во власти суеты.

Что ж, пронесло – и Слава Богу, –
В круговороте кутерьмы
Опять греховною дорогой
Спешим привычно в царство тьмы...

Не жди, когда придет беда.
Молись и бодрствуй всегда!

* * *

Погаснут светила в полуночный час,
В преддверьи крушенья эпохи –
Они пожалеют, что тронули нас,
Что песню прервали на вздохе.

Струится забвения лунная пыль,
Опустится сумрак бездонный,
Огнем погребальным взметнется ковыль
Над Родиной снежной и сонной.

Судивший нас – с нами во мрак снизойдет,
Кровавой напившись свободы.
Сомкнется над нами бессмертия лед,
Застынут мятежные своды.

И снова заплещется Веры вода
В глазницах пустых океана.
Истлеют, рассыплются в прах невода,
Развеются клочья тумана.

И в страхе изыдет полуденный бес,
И спустится Ангел с высоких небес.

* * *

Нам всем конец? Не верю!
Рассеется мираж...
Крадущемуся Зверю
Читаю «Отче Наш».

Пусть я еще не знаю
Ни правил, ни основ,
Но он-то понимает
Значенье вещей слов.

* * *

Все выше, и выше, и выше –
Сумели себя побороть.
Но только все видит и слышит
Всегда Милосердный Господь.

Все проще, и проще, и проще
Становятся мысли и сны.
Шумят облетевшие рощи
Когда-то великой страны.

Все больше, и больше, и больше
Берет ненасытный сосед –
Уменьшимся скоро до Польши –
А после – и вовсе на нет.

Все хуже, и хуже, и хуже
Живет мой полуночный край.
Все уже, и уже, и уже
Дорога, ведущая в рай.

* * *

Жизнь суетой такой наполнишь,
Что успеваешь чуть дыша...
А через месяц и не вспомнишь,
О чем тревожилась душа.

Как ныне причиняют муку
Пустопорожние слова,
И снова зависть, ложь и скуку
Гордыни мелют жернова.

Конечно, надо быть мудрее.
А если проще — надо быть.
Свои потери не жалея,
Теченье светлых дней любить.

И не пора ль остановиться,
Войдя в блистательный зенит,
Послушать лес, увидеть птицу,
Которая вот-вот взлетит.

* * *

Ну вот и закончилось лето,
Кометой сверкнув в небесах,
И осени близкой приметы
Заметны в полях и в лесах.

Туманятся крупные росы,
И травы приникли к земле,
И светятся тускло березы
В холодной сиреневой мгле.

В преддверии скорой разлуки
Сомненья и страхи легки.
Я без сожаленья и муки
Приемлю течение реки.

И песня моя отзвучала,
В цветах отгудела пчела,
И лодка моя от причала
Неслышно, отчалила...

В САНАТОРИИ

Три дня осталось в тишине
Гулять и тешить душу личным,
И доктор выпишет при мне
Невнятным почерком больничный.

Иду по парку не спеша,
Мне, право, нравится лечиться,
И не моя ли там душа
Качается на ветке птицей?

Вот-вот взлетит. Вспорхнет вот-вот,
Забыв про свод врачебных правил,
Мир, полный мелочных забот,
Возьмет – и навсегда оставит.

Не сквернословлю. Не курю.
Не пью. Вот разве только чаю.
И эту раннюю зарю,
Как милость Божию, встречаю.

ПРУД

Дней суетливых череда
Сплелась цепочкой длинною,
Жизнь застоялась, как вода
В пруду, заросшем тиною.

Кусты ракиты там и тут
Листвой шуршат украдкою,
Ничто не потревожит пруд,
Его поверхность гладкую.

Друзья уснули и враги.
Кругом покой немеющий...
Брось камень — не пойдут круги
По глади зеленеющей.

Храни тоску. Цени покой
И верь лишь в настоящее,
И мни сквозь сон себя рекой,
К морским волнам спешащею.

СВАЛКА

С утра машина за машиной
Привозят мусор городской,
Все выше высится вершина
Зловонной мерзости людской.

Наверно, завтра будет лучше
И нас совсем оставит бес,
А ныне – мусорные кучи
И дым клубится до небес.

Небесные темнеют своды,
Земную впитывая грязь,
А равнодушные уроды
Идут по жизни, веселясь.

* * *

На всех – и сытых и голодных –
Одно и то же, хоть ты плачь, –
Убожество журналов модных
И тупость телепередач.

И верит каждый – как иначе? –
И в справедливость, и в прогресс,
И вся держава хором плачет
Над гибелью чужих принцесс.

Все одинаково угрюмы.
И на просторах всей страны
На всех – одни и те же думы.
У всех – одни и те же сны.

Как тихо в нашем околотке.
Я времени не тороплю.
С устатку выпью рюмку водки.
Неспешно баню протоплю.

В глубинах мысли проплывая,
Я отклонюсь от косяка,
Смотря, как молча рыба стая
Заходит в сети рыбака.

* * *

Во тьме пропал товарищ мой,
Растаял без следа.
Его накрыла с головой
Неверия вода.

И, прав во всем, он жил, как жил,
Вгрызаясь в бытие,
Не ведая того, свершил
Предательство свое.

Не осуждаю, не ищу
Ни следствий, ни причин.
А просто искренне грущу
О дружбе двух мужчин.

О городе, где был рожден,
О юности былой,
О днях, чей след был заметен
Полярной вьюгой злой.

Душа тепла не сохранит,
Но и не вспомнит зла...
И пусть Господь его простит
За все его дела.

* * *

Причинно-следственные связи
Не путай, глядя с высоты.
Лечебными бывают грязи,
И ядовитыми цветы.

На все свое имея мнение,
Не отвергай чужой совет:
Бывает горечь поражения
Достойней радости побед.

* * *

Человек боится темноты.
Человек боится высоты,
Бедности, болезней, неудачи.
И в круговороте суеты,
Потеряв остатки простоты,
Все боится не успеть к раздаче.

Потеряв надежду и покой,
Рыщешь волком в суете мирской,
Копишь униженья и сомненья.
Счастья не оценивай рублем –
Пенный след волны за кораблем –
Все наши земные достижения.

Что без Веры наше Бытие?
В этом – спасение мое,
В этом и сомненье и надежды.
Остывает медленно земля.
В опустевшем парке тополя
Примеряют белые одежды...

* * *

Скоро мы оставим мир подлунный,
Чтоб потом преданиями стать...
Все равно мне — готы или гунны
Будут эти земли населять.

Птица пролетит легко, беспечно,
Зазвенит в ручье лесном вода,
Многое останется навечно,
Многое исчезнет навсегда.

Здесь же все останется как было,
Это небо, роща и река,
Это многоликое светило,
Эти грозовые облака.

Не решай судьбу иных столетий,
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной, полынный ветер
Говорит на русском языке.

* * *

Ах, как раньше писалось!
Эх, как раньше пилось!
Все куда-то девалось,
Как-то оборвалось...

Стал не то чтобы старше,
И не то чтоб устал...
Но с колонной на марше
Успевать перестал.

Все не в ногу, не в ногу,
Все не в лад да не в ряд,
Да и той ли дорогой
Мой шагает отряд?

Но никто не ответит,
С горьким чувством вины
Вдруг захочешь на свете
Одного — тишины.

В этом мире пропащем
Судьбы переплелись,
Дорожить настоящим
Поскорей научись.

Не в колонне на марше,
Но один, не спеша.
И, едва отдышавшись,
Потеплеет душа.

* * *

Жизнь состоит из работы,
Пьянок и мелких страстей.
Россказни, сплетни, заботы,
Мутный поток новостей.

Всюду — проблемы, заботы.
Ищем — не можем найти,
Словно бы важное что-то
Мы потеряли в пути.

Кружат и свищут метели,
Звезды погасли во мгле.
В небо нечасто глядели —
Слишком тянуло к земле.

Кабы немного усилъя
Сумрачный мир превозмочь —
С шумом раскрылись бы крылья,
С треском разверзлась бы ночь...

Только гнетет в небесах
Сферы небесной размах.
Сложатся крылья, шурша, —
Жаждет покоя душа.

* * *

Какая осень! После бани
С устатку выпью двести грамм.
Пора, пора готовить сани,
Пора готовиться к снегам.

Поверишь — целый день в заботах,
Так что кружится голова —
Покрасил заново ворота,
С размахом нарубил дрова.

Сушу грибы, варю варенье
И не боюсь пропасть во тьме.
Готовлюсь не спеша к забвенью,
Как к продолжительной зиме.

ВОКЗАЛЬНОЕ

Летят дороги дальние
Отсель – во все концы.
Гудит толпа вокзальная,
Призывно бьют часы.

Народ бежит и мечется,
Торожится, спешит,
Во все концы Отечества
Отсюда путь лежит.

Летит шальное времечко,
И множится тщета.
Повсюду – пиво, семечки,
Повсюду – суэта.

Законы расписания
Здесь по привычке чтут,
Состав без опоздания.
К перрону подадут...

Неоновыми брызгами
Сверкнет герба литье...
Залузгали, замызгали
Отечество мое!

Захапали. Залапали.
Профукали. Проплакали.
В безбожном онемении
Летим навстречу темени.

* * *

От Родины снежной и сложной
Уеду на юг отдыхать.
Гулять не спеша, осторожно
Просоленный воздух вдыхать.

Мечтал о покое. Покоя
Теперь мне хватает вполне.
Я гложу от шума прибоя
При анатолийской луне...

Но память закружит обратно,
И прошлого ветер настиг,
И, снежною пылью внезапно
Окутан, застыну на миг.

В МИРРАХ ЛИКИЙСКИХ

Как только заполющется рассвет —
Уже кричат о чем-то муэдзины.
Здесь жили греки. А теперь их нет.
Лишь храма православного руины.

Заботливой турецкою рукой
Посажен сад. Расчищена площадка.
Вокруг царят довольство, и покой,
И чистота музейного порядка.

Едва заметна от пожаров гарь.
Улыбчивы и добродушны лица.
Вас проведут и в церковь, и в алтарь,
Покажут опустевшие гробницы.

Но отчего в мерцании ночей
Тревогою наполнены молитвы?
И слышится суровый звон мечей,
И не стихает гул далекой битвы...

Луна. Песок. Собак унылый лай.
Затихло море, и пуста дорога.
Молись о нас, Святитель Николай,
Проси за нас прощения у Бога.

* * *

Вьюги катятся с Ямала
Прямо к устью Иртыша...
Начинаю жизнь сначала,
Примеряясь не спеша.

Суета иного мира,
Снег летит со всех сторон...
Все казенное — квартира,
Мебель, кухня, телефон.

Лампа и комплект постельный —
По реестру бытие.
Лишь душа и крест нательный
Все имущество мое...

Я молюсь исправно Богу
И бреду сквозь непогодь.
Основательно в дорогу
Снарядил меня Господь.

* * *

Слава Богу — все со мной.
Ручка. Чистая бумага.
Гул метели за стеной.
Огоньков ночных ватага.

Слава Богу — все мое:
Ночь. Звезда в морозной сниси.
Тишина и бытие.
На окне застывший иней.

Слава Богу — никому
Ни советов, ни отчета...
И колеблет ночи тьму
Звезд немая позолота.

Здесь, в молчании снегов,
Тишина — моя награда.
Слава Богу, ничего
Большого уже не надо.

* * *

Иная жизнь, иные сны,
Иные разговоры.
Мерцают в отблесках луны
Бескрайние просторы.

Судьба поспешна и строга,
Поспорит с ней не всякий...
Заснеженные берега
Растаяли во мраке...

Застыла в сумерках луна,
Уняв твою тревогу...
К другому виду из окна
Привыкнешь понемногу.

* * *

Растаял след инверсионный
В пустых, прозрачных небесах,
Гул самолета отдаленный
Затих в синеющих лесах.

И потревоженные дали
Опять застынут на века,
Без усталости и без печали
Под ними вдаль течет река.

И ты, измученный сомнением
Во мраке лживой суеты,
Застынешь в скорбном изумлении
От величавой простоты.

И если есть на свете вечность,
То выглядит она такой —
Сияющая бесконечность
Над бронзовеющей рекой.

* * *

Безнадежно устав от прогресса,
От вселенских дорог вдалеке,
Золоченым сентябрьским лесом
Выйду к утренней, тихой реке.

Тяжелы ее синие воды.
От далеких полуночных стран
По велению вечной природы
Волны катит река в океан.

В белый лед превратится движенье.
Шум застынет в полярной тиши.
Будет русло меняться. Но время
Не остудит движенья души.

Под громадой застывшего льда
Будет вечно струиться вода.

* * *

С зимой, похоже, все в порядке,
Морозец спал. Снежок парит.
И по ночам на стройплощадках
Ханты-Мансийска свет горит.

Фасады высятся вальяжно
Над среднерусской суетой,
И город мой разноэтажный
Летит над сумрачной тщетою.

Когда-нибудь опять великой
Россия будет. А пока
Голубоглазые таджики
Нам строят счастье на века.

Не знают русский поголовно
Не граждане и не бичи,
Неторопливо и неровно
Кладут ребята кирпичи...

Умы давно поистожились...
Теперь вот не хватает рук...
Когда ж Господь явит нам милость,
Освободит от вечных мук?

Законы вечные природы
Не отменить. Не осмеять.
Другие, видимо, народы
Россию будут населять.

Печальна участь человечья,
Уйдем, неся свою вину.
И незнакомые наречья
Нарушат храмов тишину.

* * *

Где-то спят большие города,
Пишутся стратегии и планы...
Остывает по ночам вода,
Тают предрассветные туманы.

Маяка остынет уголек,
И засуетятся чайки скоро.
И ворчит усталый дизелек,
Затерявшись в ладожских просторах.

И гудят чуть слышно провода,
И небес светлеет покрывало,
И дрожит последняя звезда
В тихой ряби старого канала.

* * *

Осень скоро постучится
Проливным дождем.
Как там сложится, случится?
Все сидим да ждем.

Ветер гонит клочья дыма,
Поздний час.
Жизнь прошла неумолимо
Мимо нас.

* * *

Вот наконец-то и зима.
Трещат дрова в печи.
И звездных искр кутерьма
В редеющей ночи.

И слышно в лунной тишине,
Как тихо снег пошел..
Никто не вспомнит обо мне —
И это хорошо.

*И СЛЫШНО МНЕ
ДВИЖЕНИЕ
РЕКИ*

* * *

Похоже, слишком много знаю,
Но в ожиданьи долгих зим
Особенно не выступаю,
Сообразуясь с веком сим.

Пройдут забвение и слава
И что останется от нас?
Правдивым можно быть и правым,
Не выставляясь напоказ.

Другие дни. Другие даты.
Иная Родина и речь.
Но в ожидании расплаты
Суметь бы душу уберечь.

С ЯРМАРКИ

Еду с ярмарки домой.
Утро. Иней серебрится.
След, оставленный луной,
В небе сумрачном дымится.

Встанет солнце. А пока
Спит небесное светило,
Кучевые облака.
Надо мной плывут уныло.

Скоро в гулкой вышине
Звезд ночных растают льдинки.
В предрассветной тишине
Слышно, как звенят снежинки,

На ладонях тают и
Каплей падают на травы.
Две глубоких колеи.
Буераки да канавы.

Избы. Церковь без креста.
Ожиданье зимней стужи.
Голь да удаль. Нищета.
Все как прежде – даже хуже.

Хищно щерится овраг,
Здесь не встретишь человека,
Здесь – ни кошек, ни собак,
Вот и все итоги века.

До листка обобран лес,
Воронье – и то пропало.
Вот и все. И весь прогресс –
Все концы и все начала.

Едем молча. Не спеша.
Мимо были. Мимо сказки.
И тревожится душа
В ожидании развязки.

РОЖДЕСТВО

В церкви тихо. За окнами синими
Хлопья снега, неспешно летящего,
В серебристо-березовом инее
Очертания города спящего.

Снегири, как шары новогодние,
Украшают столетние ели,
И сомненья тревожат – сегодня ли
Вдруг отступятся злые метели,

И рассеется темень вселенская,
И застынет, притихнув, природа,
И зажжется звезда Вифлеемская,
Озарив полумрак небосвода.

* * *

В жизни – все идет по плану –
Поздно ляжешь. Встанешь – рано.
На работу и – домой.
В баню утром в выходной.
Телевизор. Гости. Дети.
Сорок лет на белом свете
Пролетели. Пронеслись.
Это – жизнь.

Дни летят неотвратимо.
Что-то в цель. А что-то – мимо.
Едем с ярмарки. Как будто
И не вечер. И не утро.
Лошадей неспешный бег –
Выпал снег.

В суете и круговерти
Чаще думаешь о смерти.
Утром чувствуешь усталость.
Сколько там еще осталось?
По ночам тревожно спится.
Сердце. Печень. Поясница...
Едем дальше не спеша.
А душа?

* * *

Такая вьюга, что беда
На белом свете.
Гудят натужно провода,
Луна не светит.

Ни звезд, ни фонарей в ночи,
Во тьме округа.
Ни даже дыма из печи –
Лишь только вьюга.

Дома закрылись на засов
В кромешном мраке.
Людских не слышно голосов,
Молчат собаки.

И кажется, еще чуть-чуть
И без подмоги
Не отыскать привычный путь
Родной дороги.

Огромный город вдруг исчез
В одно мгновенье.
И тянет полуночный бес
В свои владенья.

Гуляет нынче непогодь
По всей планете...
Да не оставит нас Господь
В минуты эти...

* * *

Критиковать и обличать
Зачем? И то – живем неплохо.
Теперь в умении молчать
Угадывается эпоха.

Пусть мы давно попали в плен
Своих несбывшихся мечтаний.
Несокрушимых истин тлен
Заменит истину исканий.

Огнем беспамятства горим,
Над бедами чужими плачем,
Все говорим и говорим,
А думаем – совсем иначе.

Теперь и я как все – молчу.
Пусть тяжела моя дорога,
Молитвы заново учу
И об одном прошу у Бога,

Чтоб в час, когда настигнет мгла,
Душа ослепнуть не смогла.

* * *

Зачем, скажи, пудя и мучась,
Опять меняя лик страны,
Мы требуем иную участь,
Иную жизнь, иные сны.

Зачем опять, подобно нищим,
Стоим с протянутой рукой,
Чего, скажи, мы снова ищем,
Надеясь обрести покой.

Весь век в лакейской у Европы
Понурия голову стоим.
Но нынче, видно, и в холопы
Навряд ли с ходу угодим.

Там пошустрей народец южный,
Порасторопней, понаглей.
А нам заказан труд натужный
Во тьме заснеженных полей.

Опять не взяли. Слава Богу.
Давай, голубчик, запрягай,
И вновь, проверенной дорогой,
Спеши обратно, в русский рай,

Где душу продувает ветер,
Где мрак и слезы без конца,
В дом, где молитву шепчут дети
За возвращение отца.

* * *

В разноголосии племен
Наш голос – глуше, тише.
Боюсь, уже не будет он
Потомками услышан.

Во мраке скорбный путь верша,
Не узнаем друг друга,
И воля, разум и душа –
Как лебедь, рак и щука.

Молись в преддверии конца,
Чтобы явилась милость –
Чтоб по велению Творца
Все вновь соединилось.

* * *

Мы стали с тобой далеки,
А жизнь убывает незримо,
Как воды осенней реки,
Неспешно, но неотвратимо.
Растает в морозной тиши
Октябрьский сумрак ненастья,
Но вечная память души
Хранит впечатления счастья.
И пусть в немоте тишины
Приблизится сумрак развязки —
Реалью становятся сны
И былью — забытые сказки.
Меж нами — времен непогодь,
И ветер, и воды, и льдины,
Но души однажды Господь
Навек сочел воедино.
А значит — ни страх, ни беда,
Ни боль, ни любовь, ни могила —
Никто, ни за что, никогда
Вовек разлучить нас не в силах.

* * *

Смирил Господь. Болею.
Лежу. Лекарства пью.
О прошлом не жалею,
Времен не тороплю.

Застыл замысловатый
Рисунок на стекле.
И дым печей косматый
Клубится в синей мгле.

Последние морозы
Мои сковали сны,
Притихшие березы
Привычно ждут весны.

Но перед нашей встречей
Метель смирит разбег,
И выпадет под вечер
Почти весенний снег.

* * *

Исчерпан февраль без остатка
До самых последних снегов,
Слабеет привычная хватка
Звонящих морозных оков.

Лишь солнце пригреет – синицы
Поднимут неистовый гам,
И отблеск лучей заискрится,
Скользя по лиловым снегам...

Но это – лишь завтра. А ныне
Промерзшие клочья небес,
И стонет под ветром, и стынет
Не к сроку разбуженный лес.

* * *

Вагончики. Сарайчики. Балки.
Избушки кособокие. Бараки.
Мы были от Европы далеки,
А завтра будет хуже, чем в Ираке.

Мы миру продаем и нефть, и газ,
А сами кое-где сидим без света.
Ну, кто, скажи, подумает о нас
И от кого мы нынче ждем ответа?

Лежат снега. И в царствие тайги
Наступит утром тишина такая,
Что слышно мне движение реки,
Что подо льдом течет, изнемогая.

* * *

Как смеялось и пелось
У беды на краю!
Побыстрее хотелось
Оказаться в раю.

Приводили примеры,
Подводили итог
И без Бога и Веры
Громоздили чертог.

Пролетели мессии –
Ни покрышки и дна,
На просторах России
Замерла тишина.

Совесьть глуше и тише,
И не видно ни зги –
Затуманились души,
Заржавели мозги...

Но мальчишка со свечкой
У иконы стоит,
Пусть пылает сердечко,
И зовет, и болит,

Не окончена битва,
И не дрогнет рука.
Только этой молитвой
Мы и живы пока.

* * *

Заветное счастье украли,
Оставив чужую вину.
Наверное, мы проиграли
На первом этапе войну.

Застолие было обильно,
А нынче дошли до сумы,
Уже затуманились сильно
Смятенные наши умы.

Укрыться куда бы от беса,
От новых, неведомых пут.
Но орды стального прогресса
Армадою танковой прут.

Без страха, без злости, без воли
Сдаем города не спеша.
Уходит в глухое подполье,
Со злом не смирившись, душа.

Услышана будет молитва,
Господь не отмеривал срок,
Еще не окончена битва
И не предсказуем итог.

* * *

Весны долгожданный приход –
Природы нежданная милость.
Едва миновал ледоход,
А вот уж листва распустилась.

Промыт изумрудный кедрач
Звенящими ливнями мая.
Над мокрыми крышами дач
Потянется первая стая.

В отмеренный Господом срок
Душа встрепенется несмело –
Как этот зеленый листок,
Как ветка черемухи белой.

И радость охватит меня,
И что мне все ахи и охи –
Тревоги минувшего дня,
Сомненья грядущей эпохи,

Печали ушли навсегда,
Иду молодой и счастливый –
Какая большая вода,
Какие высокие ивы.

Плывут не спеша облака,
И в небо впадает река.

* * *

Жизнь уходит понемногу.
День прошел – и Слава Богу,
Как вода в реке.
Наши чувства, наши думы
Словно след волны угрюмой
На речном песке.

Грузим душу чем попало.
Очерствела и устала
Бедная душа.
Может быть, остановиться,
Осмотреться, помолиться
Тихо, не спеша?..

Молим Бога об удаче,
О достатке. А иначе
Что еще просить?
А душа? Душа в сомненье,
Ведь пора бы о спасенье
Слезно голосить!

С Богом и легко и просто!
Лодка. Церковь у погоста.
Темная река.
Чайки кружат над водою,
И с тревогою немой
Мчатся облака.

ПОЕЗДКА

Забытые привычки
Припомнить я хочу,
На старой электричке
В деревню полечу.

Вхожу в мой поезд дачный,
Сметаю с лавки сор,
Вдыхаю дым табачный,
Вникаю в разговор.

И ранний день весенний
Приветствует меня.
За окнами – сирени,
За окнами – поля.

Промчится поезд встречный,
Замрет листва шурша.
На станции конечной
Сойду я не спеша.

И выведет тропинка
Меня к лесной реке.
И дрогнет паутинка
На теплом ветерке.

Текут речные воды
Неведомо куда.
Бессмертие природы
Пугает иногда.

Омою влагой руки,
Неслышно помолюсь.
Ни смерти, ни разлуки
Сегодня не боюсь.

Пусть наша жизнь конечна,
Но, трудный путь верша,
Я верю – будет вечна
Бессмертная душа.

Густеет мрак вселенский,
Но синь слепит глаза.
Над храмом деревенским
Отверсты небеса.

Стрижи летают низко
Над тихой водой,
И слышно – где-то близко
Грохочет поезд мой.

В пути настигнет вечер,
Качает мой вагон,
Огни летят навстречу,
Дорога, лес, перрон...

Пусть смертью и могилой
Грозит земной итог,
Продли мне дни и силы,
Господь, еще чуток.

Чтоб помнил я, счастливый,
Вновь обрета покой.
О чем шептали ивы
Над утренней рекой.

* * *

Не пряча голову, как страус,
Гоню пустых познаний страсть –
Уверен – миром правят хаос
А не мифическая власть.

Пусть кто-то, сидя на престоле,
Твердит, что надо чтить закон,
Но свищет ветер в чистом поле,
Взметая пыль былых времен.

Покуда не настали сроки,
Молчит Всемилостивый Бог.
И рано, видимо, пророки
Стремятся подвести итог.

Земля качнется, и лихие
Наступят дни. И грянет час.
И равнодушная стихия
В единый миг поглотит нас.

Застынут воды – тишь да гладь.
И будет Божья благодать.
И будет на волнах неметь
Луны торжественная медь.

* * *

Хватало и зрелищ и хлеба,
А нынче – трава не расти,
Утрачено все, кроме неба
Да снега в кровавой горсти.

В сугробах сомнений дорога,
И вьюга сомнений метет,
Утрачено все, кроме Бога,
А значит, спасенье грядет.

Не в сече кровавой, не в битве,
Не в вещих словах мудреца,
А в тихой ребячьей молитве
По воле небесной Творца.

* * *

Делили хлеб, делили кров,
Дарили дружбу, а не милость.
А нынче – горе, слезы, кровь –
Ну почему так получилось?

Границы новые черти –
Не трудно начинать сначала.
Легки беспамятства пути –
Скажи, чего нам не хватало?

Во мраке нас вела любовь
Душа печалилась, но – пела,
И нынче только дым да кровь –
Раздор последнего раздела.

Деля наследственный удел,
Сожгли мосты, снесли дороги
И в суматохе праздных дел
Забыли о душе и Боге.

Но скорбный подводить итог
Уже не нам – а нашим детям,
Молись, чтоб милосердный Бог
Их сохранил на белом свете.

* * *

Вострубят ангелы – пора.
И никуда уже не деться.
Как будто кто-то со двора
Тебя домой зовет – как в детстве.

Как будто ветер прокричал
Перед последнею разлукой.
Но в прошлом все – вокзал, причал
И счастье вперемишку с мукой.

И полетит душа легка
Туда, где обитают души,
За грозовые облака,
Вослед за лайнером воздушным.

Растает боль. Исчезнет страх.
И груз земного притяженья
Ослепит солнце в небесах,
Но ты останови мгновенье –

И на секунду оглянись –
Быть может, это все приснилось –
И это небо, эта высь,
Как бы нечаянная милость.

Земные дни во мгле верша,
О небе думает душа.

* * *

Хватало и зрелищ и хлеба.
И счастья – полной рекой.
Все было прекрасно – до неба
Уже доставали рукой.

А вспомнишь – пилося как и пелось
В счастливые эти года...
Скажи мне, куда это делось?
Исчезло однажды – куда?

Мы жили, не зная молитвы,
Без Бога построили храм,
И все уступили без битвы,
Доверившись лживым волхвам.

Мы глухи, мы слепы, мы немые.
И разум болеет и плоть.
Не помним уж, кто мы и где мы,
Но нас не оставил Господь!

Услыша слова покаянья,
Простит нам былые деянья.
Услышит молитвы – и разом
Вернет нам и силу и разум.

* * *

Этот вечер не тронут прогрессом.
Вдалеке от полуночных стран
Дым печной расстелился над лесом,
Заклубился над полем туман.

Что за участь дана человеку –
Вдалеке от вселенской тоски
Без печали к ушедшему веку
Память прошлого рвать на куски.

Кто мы, где мы, зачем и откуда?
Все бежим и бежим в никуда,
Ожидая пощады и чуда,
Мы без боя сдаем города.

Жизнь прошла ради денег и славы,
Слишком поздно смотреть на часы.
Уронили высокие травы
Изумрудные капли росы.

* * *

И так уж немало отмерил Господь –
С лихвой одарил белобрысую воду.
Ну, может, еще и добавит чуть-чуть,
Порадуя голубоглазую чудь, –
Бескрайнего озера зыбкую гладь,
Соснового леса зеленую стать,
Да синь бесконечных прозрачных небес,
Где в облаке сокол парящий исчез.
Смотри в ослепительно-белую высь,
И радуйся жизни,
и Богу молись.

* * *

Живем по человеческим законам
И, Богу и природе вопреки,
На исповедь приходим с телефоном,
Просматривая срочные звонки.

Наш путь лежит во тьме, по бездорожью.
Бредем на ощупь. Судим невпопад.
Душа закрыта перед Словом Божьим,
Но, Слава Богу, – стали чтить обряд.

И, вещей слов пока не понимая,
Перебирая четки не спеша,
Словам молитв неведомым внимая,
Отгаивает сонная душа.

* * *

В суете, в круговерти
В суматохе разлук
Я подумал о смерти
Неожиданно, вдруг.

И как будто очнулся –
И качнулся перрон,
И вокзал пошатнулся,
И отчалил вагон.

Я исчезну во мраке
Беспросветной ночи,
Не залают собаки,
И луна промолчит.

В мельтешенье столичном,
В ритмах сумрачных дня
Жизнь пойдет, как обычно,
Разве что – без меня.

Но не сгинут – хоть тресни –
Хороши ли, плохи,
Непутевые песни,
Путевые стихи.

Да, плутала дорога
В суете и грехах,
Только все же – от Бога
Слово в наших стихах.

Он рассудит бесстрастно
Мир больной и большой,
Ведь унынье не властно
Над бессмертной душой.

* * *

Избавленный от мелочных забот,
Он пребывал в безволии и неге.
Стоял июль. А он мечтал о снеге
И о сугробах выюжных у ворот.

Под сенью сосен плавилась жара,
Густели небеса остекленело.
Он жарко баню истопил с утра,
И парился, покуда не стемнело.

Уголья тускло плавилась в печи,
Томясь, как переполненные соты.
И было слышно в сумрачной ночи,
Как пролетают в небе самолеты.

Все тише гул. И вот пропал уже,
И лишь сомненье смутное осталось,
И так спокойно было на душе,
Как будто жизнь еще не начиналась.

* * *

Дни нашей жизни коротки.
А ночи? Ночи бесконечны.
Туман над берегом реки
А в небе – Путь блистает Млечный.

А в небе – полная луна.
Молчит листва. Собака дремлет.
Покой вокруг. И тишина
Насквозь пронизывает землю.

Склонюсь к воде – волна легка.
Звезда в руках засеребрится.
И жизнь, как лунная река,
Сквозь пальцы медленно струится.

* * *

Давно не пахнет русским духом —
Проветрено насквозь.
Но будь уверен — где-то ухнет
Могучее «авось».
Взовьются зорные метели
В рождественской ночи,
И обезумевший Емеля
Промчится на печи.
— Ужо мне попадетесь, суки! —
Кричит что было сил...
Совсем не то, видать, у суки,
Сердешный, попросил.

МОЖЖЕВЕЛОВАЯ РОЩА

Не выходит все же жить попроще –
Но на день – отрину бытиё.
Здравствуй, можжевеловая роща,
Светлое пристанище моё.

Высоки над Ладогой закаты,
Чайки полыхают на лету,
И стоят деревья, как солдаты,
Охраняя эту красоту.

Птицы беспокойные умолкли,
Я иду легко, травы не мну,
Глажу изумрудные иголки
И боюсь нарушить тишину.

Вечер как дождем промыт, прозрачен,
Профильтрован он сквозь изумруд.
Но смотрю – под будущие дачи
Колышки забиты там и тут.

Там и тут размерено пространство,
Тут и там проведена межа,
Делят Богом данное пространство,
Режут мою рощу без ножа.

Дом воткнут, насадят огороды,
Сотворят казарменный уют
И творенье дивное природы
За полгода насмерть изведут.

И погаснут яркие закаты,
И охватит мир глухая мгла,
И согнутся стройные солдаты,
Проржавев, осыплется игла...

Красота спасет – чего уж проще,
Но молю, чтоб милосердный Бог
Эту можжевеловую рощу
От людей безумных уберег.

* * *

Мир ночной погрузился во мрак,
Дождь по крышам неистово лупит,
Ветер воет за окнами так,
Словно утро уже не наступит.

Слишком поздно настала весна,
Бестолково кончается лето,
Ни надежды, ни света, ни сна,
Ни малейшего в небе просвета.

Утомленные таинством тьмы,
Ждем с тревогой грядущих возмездий.
Хорошо бы дожить до зимы,
До снегов, до промерзших созвездий.

Успокоятся мысли и сны
Под сиянием снежной луны.

* * *

Пиши, пиши, писатель,
Покуда хватит сил,
Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил.

В эпохе мутной – лишний.
Но не переживай,
Уж раз тебе Всевышний
Открыл грядущий рай.

Вдыхая сумрак скверны,
Беги пустых похвал,
Покуда Милосердный
К ответу не призвал.

В лучах коварной славы,
В круговороте дел
Молись, чтобы лукавый
Тебя не одолел.

Бесовских игрищ зритель,
Не забывай Христа,
Уж раз тебе Спаситель
Слова вложил в уста.

*ПОД ПОКРОВОМ
ИГУМЕНЬИ ГОРЫ
АФОНСКОЙ*

1. СОЛУНЬ

Самолет, описав плавный полукруг над сверкающим под жарким июньским солнцем морем, пошел на снижение... Салоники. Фессалоники. Солунь.

Для кого-то, сидящего рядом, — отправная точка путешествия в отель на побережье, для нас с отцом Виктором — начало путешествия к святыням Афона.

Православная Греция. Многие считают, что именно отсюда началось триумфальное шествие христианства по Европе. Ведь именно здесь апостол Павел во время своего второго путешествия пламенно проповедовал о Христе Иисусе. «Пройдя через Амфиполь и Аполонику, они пришли в Фессалонику, где была Иудейская синагога. Павел, по своему обыкновению, вошел к ним и три субботы говорил с ними из Писаний» (Деяния, 17). Жителям города апостол Павел посвятил два «Послания к Фессалоникийцам».

На выходе из аэропорта — длинная очередь в паспортный контроль. Наши соотечественники что-то бурно обсуждают, толкаются, словно боятся опоздать, хотя наверняка знают, что туристические автобусы вряд ли уедут, не дождавшись пассажиров, обозначенных в многочисленных списках. Вот наконец-то и наша очередь.

Мы проходим последними. Таможенник внимательно изучает наши визы — там отмечено, что

мы прибыли по приглашению архимандрита Прокония, секретаря иностранной комиссии синода Греческой церкви. Привычно ставит штемпель и, отдав паспорта, улыбнувшись, приветливо машет рукой. В добрый путь. Мы в Греции.

Город, основанный в 315 году до н. э., назван предположительно по имени сестры Александра Македонского Тессалоники, издавна был цветущим торговым центром, еще при римлянах он стал столицей провинции Македония, ныне же он является административным центром одноименной провинции Греции. В современных Салониках на первый взгляд почти ничего не напоминает о былых временах, римские руины и древние стены теряются в бетонных стандартных нагромождениях 50–60-х годов.

Для русского человека Салоники связаны с именами известных святых Димитрия Солунского, а также Кирилла и Мефодия, основателей славянской письменности. Храм св. Димитрия — главная святыня Салоник.

Димитрий Солунский был назначен царем Максимианом воеводой Солуни после смерти своего отца, бывшего ранее правителем этой области. Приняв назначение, Димитрий «тотчас же перед всеми начал исповедывать и прославлять Господа нашего Иисуса Христа, он всех поучал заповедями Христовыми, обращал язычников ко святой вере, и искоренял скверное многобожие, словом, он был для солунян вторым апостолом Павлом» (Жития, кн. 2, с. 563). Разгневанный император заточил праведника в темницу. 26 октября Димитрий, пронзенный копьями стражников во время молитвы, принял мученическую

смерть. В V веке на месте казни Великомученика солуняне поставили церковь, которая ныне является главной святыней Салоник. Св. Димитрий почитается как небесный покровитель Салоник, в русской же традиции — как покровитель миролюбивого воинства.

Интересно, что именно 26 октября (8 ноября), в Димитриев день, в 1912 году греческие войска освободили Салоники от турок, покончив с многолетним господством Османской империи.

Современный облик собора сформирован в 1948 году, однако многое осталось с древних времен. Так, под современным зданием остался подземный храм с остатками римских бань, где был казнен святой. Над местом, где принял смерть святой, в X веке установили мраморный киворий.

Народу в храме немного. Доступ к мощам, заключенным в золотую, богато инкрустированную раку, увенчанную митрой, открыт. Можно спокойно помолиться, приложиться к мощам, сфотографироваться...

В следующий день нашего путешествия мы с о. Виктором присоединились к компании москвичей — о. Г. и о. И. из Подмосковья и сопровождавших их молодых людей. В предместьях Салоник посетили два монастыря, в одном из которых хранятся мощи Анастасии Узорешительницы, а в конце пребывания в городе заехали в кафедральный собор, поклониться мощам св. Григория Паламы. Тут нам напомнил о себе Господь. Отцы поначалу решили завернуть не в храм, а в резиденцию епископа, чтобы решить какие-то административные вопросы, мы же проследовали в церковь. После посещения сели в церковном са-

дике дожидаться попутчиков, а церковь немного погода закрыли. Чуть позже подоспели отцы, так и не решив своих вопросов. Подождали, пока позволяло время, да и потом ушли ни с чем, вместе со всеми, так и не допущенные до святыни.

Утром следующего дня отправляемся в администрацию провинции Македония для получения разрешения въезда на Афон. Удивительно, но русскому батюшке проникнуть на Святую землю нелегко. Так как монастыри Афона находятся в управлении Константинопольского Патриарха, то разрешение на их посещение может выдать только администрация Патриарха по ходатайству Московской Патриархии. Учитывая достаточно долгое прохождение официальных бумаг, а также непростые отношения Вселенского Патриарха и Москвы, путь этот становится почти нереальным для простого священнослужителя. Приходится выбирать два иных пути — либо при общении с чиновником из администрации изображать из себя светского человека, либо надеяться, что при проходе через таможню в порту Уранополиса при посадке на паром, отправляющийся к монастырям, не очень бдительные стражи порядка примут русского батюшку за греческого монаха — благо у тех никто не проверяет документы.

Здание администрации Македонии в Салониках при некоторой помпезности снаружи внутри напоминает обыкновенный советский райсовет доперестроечной эпохи — вечно ремонтирующиеся коридоры и обшарпанные двери. В комнате сидит сухонькая женщина неопределенного возраста, перед ней толстая регистрационная книга, на подставке множество резиновых штампов и

печатей, на подоконниках — кадки с цветами, на стенах — глянцевые календари.

Женщина равнодушно смотрит паспорт, спрашивает через переводчика наши профессии, откуда приехали, так же равнодушно что-то записывает в книге. Пять минут — и все свободны.

Возражений нет. Однако саму визу — плотный лист бумаги с несколькими факсимильными подписями — необходимо будет получить в Уранополисе, небольшом городке, откуда и уходит на Афон раз в день паром. Путь по суше на полуостров фактически перекрыт, поэтому попасть на Святую гору можно только через море.

Паром отходит утром, огибает весь полуостров, заходит в каждый монастырь, расположенный у берега, и к вечеру возвращается обратно. Мы благополучно минуем контролеров на причале, всходим по трапу на палубу и наконец-то отправляемся в путь...

2. АФОН

Когда Святые Апостолы бросали в Иерусалиме жребий, кому в какую страну ехать для проповеди Слова Божьего, пожелала бросить жребий и Пресвятая Богородица. Ей выпал путь в Иверию. Но Ангел, явившийся Ей ночью, возвестил об иной участи. Между тем епископ острова Кипр пригласил Богородицу на свой остров. Присланный за ней корабль попал в бурю и чудесным образом оказался у берегов Афона. Тогда на полуострове жили язычники, а на горе Афон возвышалась статуя Аполлона.

Покидая остров, совершив множество чудес и обратив язычников в истинную веру, Богородица произнесла пророческие слова: «Сие место будет Мне в жребий, данный Мне от Сына Моего. Благодать Божия да пребудет на месте сем и на пребывающих здесь с верою и сохраняющих заповеди Сына Моего. Потребное к житию будет дано им малым трудом в изобилии, жизнь небесная им уготовится и не оскудеет милость Сына Моего от часа сего и до скончания века. Я же буду Заступница месту сему и теплая о нем Ходатаица». Все это произошло в 40-е годы от Рождества Христова. С тех пор Святая гора и носит название Удела Божьей Матери...

Первый монастырь на Афоне — поныне существующая Великая Лавра — был основан преподобным Афанасием Афонским в 963 году.

Количество монастырей на Афоне за многолетнюю историю то росло, то уменьшалось — Афон переживал времена расцвета и падения...

В XII веке появляются на афоне русские монахи, а также сербы и болгары.

Часто страдали монастыри от набегов пиратов — оттого они напоминают грозные, неприступные крепости, как бы высеченные из скал.

Тяжелое время переживал Афон во время турецкого владычества, и только в 1912 году после завершения Балканской войны Афон приобрел статус независимости — по решениям Лондонской мирной конференции 1912 года Афон стал самостоятельным государством под покровительством России...

Не всегда миновали беды Афон и в современное время — так, в ходе Второй мировой войны возникла угроза бомбардировки полуострова немцами. Монахи в 1941 году обратились с письмом к... Гитлеру, который не посмел им отказать.

Сегодня монашеская республика живет по издавна сложившимся традициям. На Афоне действует 20 монастырей, число которых не подлежит увеличению. Общее количество монахов на сегодня — около двух тысяч. Из двадцати монастырей один (Святого Паптелеймона) — русский, один (Зограф) — болгарский, один (Хиландарский) — сербский, остальные — греческие. Еще на Афоне один-два скита и около 500 келий, все они находятся в строгой зависимости от монастырей. Монастыри подчиняются Вселенскому Патриарху. Он же и назначает игуменов монастырей. Все монахи — граждане Греции, независимо от того, из какой страны они прибыли... Все монастыри

на Афоне общежительные, по-гречески такой монастырь называется «киновия». Все монахи равны между собой, все имущество монастыря — общее, монахи носят одинаковую одежду, не имеют собственности, вместе трапезничают и посещают богослужения. Игумен монастыря является единственным начальником у монахов, братия должна беспрекословно выполнять его указания...

Есть еще один обычай, который тщательно соблюдается на Афоне, — на его территорию запрещен доступ женщинам, впрочем, не только женщинам, но и животным женского пола. Правда, говорят, в годы гражданской войны в лесах полуострова прятались женщины и дети...

Наш паром неторопливо плывет вдоль скалистого, покрытого редким лесом берега. Отвесные неприступные скалы грозно нависают над морем, нет не только песчаных, но и каменистых пляжей.

Паром плавно огибает небольшой мыс — и вдали показывается первый монастырь — неожиданно, как сказочный средневековый замок. Все монастыри напоминают своим строением древние крепости — когда-то стены имели оборонное значение. Со временем, однако, к ним делались многочисленные пристройки и надстройки, настолько разнообразные по архитектуре, что их нагромождение кажется на первый взгляд хаотичным и беспорядочным, но в целом это создает неповторимый колорит... В центре монастыря, за потерявшими былую мощь стенами, глядящими на море сделанными позднее разнокалиберными оконными проемами, находятся многочисленные постройки и храмы, купола которых

величественно возвышаются над прочими строениями.

Вот, наконец, и русский монастырь св. Пантелеймона — он легко отличим от других монастырей. Высоко взметнулись в небо изумрудно-зеленые луковки куполов белоснежных храмов, со сверкающими на солнце золотыми крестами. Внешне монастырь отличается от греческих, во-первых, довольно многочисленными постройками за крепостными стенами монастыря, а во-вторых, прямо на берегу возвышается здание большой монастырской гостиницы, или, по-гречески, «фондарик».

Паром мягко подошел к причалу, еще минута — и вот мы уже на Святой Земле. По дорожке поднимаемся вверх, минуем небольшой садик, идем в гостиницу. Сначала пьем чай, листаем толстую книгу почетных гостей, потом предъявляем наши разрешения молодому монаху — он ведет по длинному и широкому коридору, указывая комнаты, в которых нам предстоит жить.

В гостинице идет ремонт. Реставрируются и надстраиваются верхние этажи, устанавливаются железобетонные перекрытия вместо деревянных — словом, жизнь кипит. Рабочие, в основном греки, уже с раннего утра хлопают дверьми, суетятся, громко кричат. Кое-где около куч строительного мусора — пустые пивные бутылки и окурки.

Вот уж действительно неисповедимы пути Господни! Кто-то едет издалека к Святыням, кто-то живет рядом с ними, не факт, что заходит в церковь даже по праздникам... Во всяком случае, мало кого из рабочих я встречал в храме позднее.

Комната наша небольшая — метров десять. Стоят две кровати, тумбочка. Деревянные полы окрашены желтой краской. В коридоре печь для обогрева двух комнат. На стенах иконы — Святой Троицы, Григорий Двоеслов, Богоматерь. Картина с изображением раки с мощами св. Сергия. Все без излишеств и очень по-русски. Вот только из высокого окна открывается чудесный вид на лазурное море...

По преданию, русский монастырь создан на Афоне во времена Святого равноапостольного Владимира, после принятия христианства на Руси. Первая русская обитель была посвящена Пресвятой Богородице. Монастырь расширялся, и в 1169 году, получив во владение, переместился в обитель Святого Пантелеймона, принадлежавшую ранее грекам, но пришедшую со временем в запустение.

Многовековая история монастыря бесстрастно отмечает и радостные, и горестные события...

О ранней истории монастыря известно мало — сильный пожар в XIII веке уничтожил все письменные документы.

Во времена монголо-татарского нашествия на Русь связи монастыря с отечеством ослабли, братия пополнялась в основном из греков. В отсутствие помощи и поддержки монастырь, однако, имеет щедрых покровителей. Это, прежде всего, византийские императоры, а также сербские короли. В 1347 году сербский король Стефан Душан даровал обители священную реликвию — главу святого великомученика и целителя Пантелеймона.

В те времена сербский богослов Исаяя был игуменом монастыря. В 1509 году сербская княгиня Ангелина, постригшаяся в монахини, обратилась с просьбой к великому князю Василию III взять под защиту русский монастырь. Так впервые русский царь стал официальным покровителем обители.

Помимо византийских, сербских и русских царей большую поддержку монастырю оказывали также валашские господа.

Длительное турецкое владычество оказалось разорительнее многочисленных пиратских набегов. Количество монахов таяло, обитель приходила в запустение, и помощь в 500 рублей, присланная Иваном Грозным, попросту не нашла получателя...

Очередной этап жизни монастыря наступил в конце XVIII века, когда епископом Христофором обитель была перенесена на берег моря, туда, где ныне и располагается монастырь.

Современные постройки обители относятся к началу XIX века. Так, соборный восьмикупольный храм во имя великомученика св. Пантелеймона был заложен в 1812 году, а закончен в 1821-м. Все строительство обители в то время осуществлялось с помощью господаря Валахии Скарлата Каллимах. Однажды, будучи тяжело болен, Каллимаха пригласил игумена монастыря Савву и выздоровел, приложившись к мощам святого Пантелеймона. (Поддержка монастырю была на столько значительной, что одно время монастырь имел официальное название Каллимахидон.)

Все это время подавляющее число братии состояло из греков, сербов, болгар... Только в 1835

году вновь появляются в обители русские иноки. XIX век можно смело назвать периодом необычайного расцвета монастыря. Так, на начало XIX века из десяти тысяч человек афонской общины более половины составляли русские монахи, причем только две тысячи из них проживали непосредственно в монастыре св. Пантелеймона.

Монастырь выдвинулся на ведущие позиции на Афоне, здесь была собственная типография, издавался журнал, широко велась благотворительная деятельность. У монастыря были подворья в Санкт-Петербурге, Одессе, Константинополе...

Тяжелые времена наступили после событий 1917 года. Отрезанный от России монастырь лишился не только многочисленных и щедрых жертвователей, но и монашеского пополнения — новые монахи вплоть до 1917 года являлись представителями только русского зарубежья.

Но Господу было угодно, чтобы монастырь сохранился — не гасли в храмах свечи, не смолкали в положенные часы молитвы...

Закончив размещение, отправляемся в трапезную монастыря. Трапезная — отдельное здание с высокой башней-колокольней, на которой установлены часы. Кстати, время на Афоне определяется совсем иначе, чем в Европе, и называется «византийским». Отсчет идет с заката солнца — в это время стрелку устанавливают на полночь — и так каждый день. По этому времени монахи живут, хотя для нас этот режим несколько необычен, так как разрыв с европейским временем достигает около четырех часов.

Но вернемся к трапезной. Стены и потолок огромного зала, вмещающего, наверное, около тысячи человек, великолепно расписаны по мотивам библейских сюжетов. Столы расположены рядами вдоль стен, игумен сидит во главе одного из столов — в центральном ряду. По его знаку все, помолясь, садятся, по его же знаку заканчивают еду, опять же молитвой. Во время трапезы чтец непрерывно читает Святое Писание.

Все столы накрываются одновременно, так что вся пища освящена. Пища одинаковая для всех, правда, светским паломникам накрывают отдельно.

Несмотря на то, что наше посещение Афона пришлось на петровский пост, пищу скудной назвать было нельзя. В эти дни подавали овощной суп (гороховый, картофельный, свекольный) — большие кастрюли с половниками уже стояли на столе, вареную картошку в мундирах, овощной салат — помидоры и огурцы с оливковым маслом, репчатый лук, чай или компот, свежесдобленный хлеб вдоволь, крупные и сочные маринованные оливки. По воскресеньям также полагается вино, которое разливают из больших алюминиевых чайников, и рыба. Во вторник, четверг, субботу и воскресенье трапеза положена два раза в день — утром и вечером, в остальные дни — только один раз в обед. Впрочем, для паломников может быть исключение: им накроют ужин, но уже не в трапезной, а в отдельном помещении рядом с кухней...

После трапезы нас встречает о. Ф., пожилой, но очень подвижный монах с веселым прищуром умных глаз, язвительный на язык, но довольно

строгий и категоричный в суждениях. На Афоне он уже более двадцати лет, знает здесь все и всех — причем не только в русском монастыре. Он ведет нас из трапезной в храм св. Пантелеймона — это почти напротив. Тут же, в маленьком дворике, расположен небольшой источник, по-гречески «фиал», — место для водосвятия. Чуть правее — ручное деревянное било на массивных железных подвесах. Эклисиарх — заведующий монастырским храмом — ударами деревянного молотка подает сигнал к началу службы...

Заходим в храм. Над главным входом — изображение св. Пантелеймона, внутри храм очень русский, традиционный, а богато крашенный иконостас действительно изготовлен в России. Достояние монастыря — мощи святых. На Афоне каждый монастырь имеет такое их количество, что просто невозможно запомнить... О. Ф. выносит нам из алтаря главу св. Пантелеймона, частицы креста Господня, мощи трех святителей, Евангелиста Луки, Николая Чудотворца, а далее уж и не помню. По очереди подходим к мощам. Прикладываемся с благоговением, отходим в сторону, уступая место другим...

Выходим на площадь и направляемся к высокому пятиэтажному зданию, увенчанному тремя куполами, поднимаемся по крутой, но широкой лестнице, минуем несколько подвесных галерей, с которых открывается удивительный вид сверху на весь монастырь, и попадаем в большой собор Александра Невского. Собор уникальный, как бы двухэтажный: наверху расположена балюстрада. Пол, в отличие от собора св. Пантелеймона, не мраморный, а дощатый, доски поскрипывают при

ходьбе... Пахнет сухим деревом. О.Ф. благословляет зайти в алтарь, прикладываемся к мощам... В соборе находится уникальная икона св. Сергия. Рассказывают, писана на крышке гроба свяителя.

Храмы по внутреннему убранству очень русские, однако там, как и во всех греческих храмах, есть стасидии — раздвижные кресла с высокими спинками. Раскладываются они таким образом, что во время службы можно сидеть, а можно, убрыв сиденье, встать, облокотившись на широкие подлокотники. Стасидии стоят вдоль стен храма в один ряд и являются принадлежностью почти каждого греческого храма. Так что сидеть в храме во время службы не возбраняется.

Служба идет по традиции на греческом и русском языках. Длиться она подолгу, иногда по десять и более часов, немудрено, что некоторые монахи засыпают. Поэтому во время всеобщего бдения эклисиарх будит их, трогая за плечо.

После храмов отправляемся в усыпальницу. На Афоне хоронят без гроба. Почившего брата, обвитого мантией, предают земле. Особенно заботятся о сохранении головы — обкладывают ее камнями и сверху прикрывают плитой. Через три года могилу раскапывают, и если тело еще не истлело, то, значит, усопший вел неправедную жизнь. Тело вновь предается земле... За душу брата усиленно молятся. Если же тело истлело, то кости и череп покойного переносят в усыпальницу, в склеп. Отдельно кладут кости и отдельно — на полки — черепа. Черепа расположены в определенном порядке, на каждом из них указывается имя монаха, дата смерти... Считается, чем желтее

кость, тем праведней был покойник... В склепе тишина, все почему-то разом читают нехитрую надпись на стене:

*Помни, всякий брат,
Что мы были, как вы,
А вы будете, как мы...*

Молча зажигаем свечи. Отцы служат литию... Отчего-то легко, нет совсем чувства тяжести или тревоги...

Перекрестившись выходим на улицу.

Вот и закончен первый день на Афоне. Находясь у моря, не можем не искупаться. Оказалось, это дело не простое. Купанья как таковые не приняты, пляжей нет, а монахи если и купаются, то только в белых подрясниках.

От гостиницы необходимо отойти в сторону, по тропинке в лес, и только там, метров через двести, можно войти в воду...

В потемках добираемся до гостиницы. Успели вовремя — через минуту все погружается в непроглядную темноту — электричество работает только до определенного времени.

День окончен. Слава Богу за все!

Утро следующего дня начинается чуть слышным перезвоном в коридоре. Это монах ходит с колокольчиком и будит желающих идти на службу...

Встаем, умываемся, но все равно немного опаздываем... После трапезы нас ждет небольшой микроавтобус — отправляемся в путешествие по Святой Земле — сначала в Иверский монастырь.

Когда, наконец, все усаживаемся, водитель — чернобородый молодой монах — крестится, и мы трогаемся в путь.

Асфальтированных дорог на полуострове я не заметил. Хотя грунтовые находятся в довольно хорошем состоянии, впрочем, может быть, и оттого, что по ним недостаточно активно ездят, тем более большегрузные машины.

Дорога то карабкается в гору, то проходит над краем широкого и глубокого ущелья, то с трудом пробивается в густом лесу, так что ветки деревьев немилосердно хлещут автобус по окнам и крыше. Лес на Афоне достаточно плотный. Между деревьев растут кустарник, высокая трава и неведомые мне растения... Растительность вообще здесь достаточно разнообразна. Так, на территории монастыря растут и сосны, и пальмы...

Дорога стала чуть пошире, но когда миновали Карею — административный центр Афона — она опять превратилась в чуть ли не лошадиную тропу...

Вдоволь напрыгавшись на узких сиденьях, помотившись из стороны в сторону, наглотавшись пыли из открытых окон, наконец-то прибыли в Ивер.

Иверский монастырь более компактный, чем Пантелеймоновский. Правда, чуть более удален от моря. Вообще архитектура афонских монастырей своеобразна, но достаточно традиционна для всех. Каждый из монастырей, как уже мы и отмечали, является своеобразной крепостью, за стеной которой и размещаются постройки. Это — кельи монахов, вплотную примыкающие к стенам изнутри, различные склады, пекарни, мастерские... В центре же обычно строились соборный храм и трапезная.

Около монастыря, если он расположен недалеко от моря, обязательно соорудилась небольшая

пристань — «арсана», куда пристаёт рейсовый паром и где находятся лодки монахов, занимающихся рыбной ловлей. Пантелеймоновский монастырь отличается от остальных достаточно большим количеством построек, храмов, а также огромной — как мы уже говорили — по афонским меркам отдельно стоящей гостиницей.

Иверский монастырь был основан примерно в то же время, что и Пантелеймоновский, выходцами из современной Грузии (отсюда и название обители). Наиболее известен монастырь своей знаменитой чудотворной иконой Иверской Божьей Матери. Она хранится здесь и по сей день в отдельной часовне.

Во времена иконоборчества в Византии, около города Никеи, жила вдова с сыном. Преследуемая со стороны властей, она отнесла образ чудотворной иконы, находящейся в ее домашней церкви, на берег моря и опустила в воду. По истечении некоторого времени сын ее сделался иноком и пребывал на Афоне, в Иверском монастыре. Однажды, уже после его смерти, монахи увидели в море высокий огненный столб над возвышающейся иконою Божьей Матери... Все попытки приблизиться к иконе оставались безуспешны. Но некоторое время спустя старцу Гавриилу явилась Богородица и известила о том, что эту икону послала она монахам в покровительство.

Икона была установлена в алтаре монастыря, но вскоре чудесным образом оказалась над его воротами. Монахи вернули икону в алтарь. Наутро повторилось то же: икона опять оказалась над воротами монастыря.

После нескольких безуспешных попыток вернуть икону в алтарь, Богородица вновь явилась Гавриилу, сказав: «Я не желаю быть охраняема вами, а хочу быть вашею Хранительницею, не только в настоящей жизни, но и в будущей... Да уповают на милосердие Сына Моего и Владыки все иноки, которые в горе сей будут жить добродетельно, с Благословением и страхом Божиим. Я испросила у Него сей дар, и се вам знамение: доколе будете видеть икону Мою в обители сей, дотоле благодать и милость Сына Моего к вам не оскудеет». Монахи воздвигли на этом месте часовню, где чудотворная икона находится и поныне.

В XIX веке, во времена долгого турецкого владычества, когда монастыри находились в тяжелом положении, а количество братии уменьшалось, Мать Божия явилась к старцам и пустынникам, повелев спокойно жить и молиться, покуда чудотворная икона будет в Иверском монастыре. «А когда изыду из Иверского монастыря, тогда каждый да берет свою суму и грядет кто куда знает».

Рассказывают еще, что чудотворная икона, называемая также по месту расположения своего Вратарницею, часто не допускала в монастырь многогрешных, нераскаявшихся людей — некоторые из них падали замертво у порога обители.

С благоговением входим в храм. Святой образ заключен в древний, потемневший от времени серебряный оклад, ризы Богородицы мерцают тусклой позолотой, древний лик строг и даже суров. На образе Богородицы виден след — от удара мечом, который нанес один из пиратов по имени

Варвар. На его изумленных глазах из раны стала сочиться кровь. Пораженный чудом разбойник раскаялся в своем проступке и уверовал, а впоследствии принял монашество...

В монастыре встречаем русского послушника. Он не молод — ему уже за сорок. Нам искренне рад, ведет нас показывать главный храм обители, провожает до ворот...

Мы идем к морю, где нас должен забрать катер. Вдоль берега, до небольшой часовни, где бьет источник, лежит хорошая, широкая дорога, рядом — ровный, редкий для Афона длинный каменистый пляж. Беру несколько камешков на память. Смотрю на бирюзовую гладь моря, ровную, спокойную, сливающуюся на горизонте с таким же бирюзовым небом. Думаю о том, что на этом самом месте несколько столетий назад стояли отцы и видели огненный столб, подпирающий небеса...

Катер уверенно рассекает воды, мы огибаем восточную часть полуострова, наш путь лежит к последнему монастырю на этом берегу — Хиландарскому. Мимо в знойном мареве проплывают как бы колышущиеся очертания обителей — и вот наконец подходим к пристани.

Сам Хиландарский монастырь находится в минутах сорока ходьбы от моря. К монастырю ведет пыльная дорога. Сначала отправляемся пешком, потом, минутах в пяти у развилки, встречаем монахов, ремонтирующих небольшой грузовичок. Здравоваемся. Оказывается, монахи из Хиландара. Узнав, что мы русские, они искренне радуются, а еще через мгновение мы, набившись в небольшой кузов и крепко вцепившись в лихо раскачивающиеся борта, бодро двинулись в путь.

Хиландар — монастырь сербский. Проживает 27 монахов. Иноки хорошо говорят по-русски, однако немногословны и как-то по-особенному скорбны, как нам показалось. Переживают о положении на родине, усердно молятся о примирении. О политике не судят вообще, хотя не очень-то хорошо отзываются о своем президенте Милошевиче, который, побывав в обители, ни разу не перекрестился.

Нас ведут в «фондарик», что переводится также как «место для гостей». Длинные широкие коридоры, узкие скрипучие деревянные лестницы, оштукатуренные стены, на которых висят многочисленные портреты сербских правителей, генералов, изображения святых и пейзажи. Традиционная для Афонского монастыря встреча: приносят воду, маленькие рюмки с узо-анисовой водкой, лукум. Потом — чашка крепкого кофе. Пишем записки за здравие и за упокой, не спеша ведем беседу, отдыхаем в прохладной тишине. Потом спускаемся в храм.

Главная святыня Хиландара — чудотворная икона Божьей Матери Троеручица.

Иоанн Дамаскин в свое время был известен как стойкий борец с иконоборческой ересью.

*Любим калифом Иоанн:
Ему, что день, почет и ласка,
К делам правления призван
Лишь он один из христиан
Порабощенного Дамаска.
Его поставил властелин
И суд судить, и править градом,
Он с ним беседует один,
Он с ним сидит в совете рядом...*

*И раздавался уж не раз
Его красноречивый глас
Противу ереси безумной...
Упорно с ней боролся он
И от Дамаска до Царьграда
Был как боец за честь икон
И как художества ограда,
Давно известен и почтен...*

Это строки из поэмы А. Толстого «Иоанн Дамаскин». Противники св. Иоанна решили оклеветать святого, обвинив его перед правителем Дамаска в написании писем с призывом к политической измене. Разгневанный правитель велел отсечь святому руку и вывесить ее на городской площади. Вечером, однако, правитель, вняв просьбам своих придворных, которые являлись друзьями святого, повелел вернуть ему отсеченную кисть. Всю ночь святой Иоанн, затворившись в своей келье и приставив кисть к отсеченному месту, истово молился перед образом Богородицы с Предвечным младенцем, молил ее об исцелении, просил защиты православия... и поражения иконоборства.

Явившаяся к св. Иоанну Богородица произнесла: «Вот, твоя рука теперь здорова. Не скорби более и исполни то, что обещал Мне в молитве твоей». Очнувшийся Иоанн увидел свою руку в целости, и только тонкая кровавая полоса напоминала ему о вчерашней трагедии...

Св. Иоанн изготовил из серебра кисть руки и приложил ее к иконе Заступницы. С той поры эта чудотворная икона именуется Треручицей. Оставив светскую должность, св. Иоанн решил удалиться и, взяв с собой чудотворную икону, навсегда

оставил Дамаск. Позднее чудотворная икона была дарована сербскому архиепископу Савве. Когда в Сербии настали смуты, икона была водружена на осла, а осел пущен без людского призора на все четыре стороны. Однако Господу угодно было, чтобы осел дошел до Афонской земли и встал недалеко от стен Хиландарской обители, где и был обнаружен монахами...

Лик Богородицы строг, но сострадательен. За тусклым стеклом на окладе заметны многочисленные дары тех, кто исцелился у чудотворной иконы и чьи прошения были исполнены, — золотые крестики, монеты, медальоны с изображением частей тела...

Кстати, этот распространенный в греческих храмах обычай — подвешивать медальоны с изображением частей тела — наверняка связан с историей этой чудотворной иконы...

Тепло простившись с монахами, залезаем в кузов грузовичка и опять трясемся по извилистой и узкой дороге, по которой, пожалуй, может пробираться только такая небольшая и юркая машина. Спускаемся к морю, минуем широкую долину с ровными рядами молодого виноградника, и вот наконец уже видны строгие стены Есфигмена...

Пожалуй, из всех монастырей архитектурный облик этого монастыря самый правильный и строгий, без затейливых излишеств и поздних хаотичных пристроек. На зубчатой башне развеваются три флага — государственный греческий, византийский — черный орел на желтом фоне — и черный...

Дело в том, что монастырь Есфигмен не подчиняется даже и Вселенскому Патриарху, здесь

его не поминают в молитвах — считают отступником от канонов Православия. Монахи называют себя зилотами, а черный стяг — знак верности Православию и непримиримости к врагам и отступникам. Девиз монахов: «Православие или смерть!» Для нас особенно важно, что именно в этом монастыре жил первый русский монах на Афоне, основатель Киево-Печерской лавры преподобный Антоний. Попав на Афон в юности, преподобный Антоний принял на Святой Горе постриг и уже по прошествии нескольких лет по благословению игумена монастыря вернулся на Родину, нести Слово Божие.

До конца своих дней преподобный молился о том, чтобы осталось благословение Святой Девы и отцов Святой Горы во всех делах его и братии... Очевидно, что в этот же период времени пришло на Русь многое из устоявшегося ныне порядка богослужения.

Пещера преподобного Антония находится на высокой скале, нависшей над морем. К ней ведет извилистая, крутая тропинка, идя по которой приходится иногда прямо-таки продирааться через жесткий кустарник. Неподалеку от пещеры стоит часовня, купол которой виден издалека. Двери в ней не заперты, на стенах — образа Антония, Серафима Саровского, Сергия Радонежского, Александра Невского, других русских святых. Облагорожен только вход в пещеру — сама же она сохранила тот вид, когда там жил основатель русского монашества.

Не удерживаюсь и отламываю аккуратно кусочки влажного известняка...

Перед входом в пещеру — небольшая площадка, с которой открывается великолепный вид на

неприступный Есфигмен, не спускающий своих знамен.

А у пристани уже стоит наш катер. Пора снова в путь...

Минут через двадцать причаливаем к пристани Ватопедского монастыря. Один из самых древних, занимающий второе место в иерархии Афонских монастырей после Великой Лавры, Ватопед славился ученостью своих монахов. Именно в этих стенах действовала знаменитая Афонская школа, давшая множество известных богословов. Но не только этим известен монастырь. Прежде всего, это многочисленные святые реликвии, среди которых одна из самых почитаемых — пояс Божьей Матери. В соборном храме Благовещения Божией Матери — одном из старейших на Афоне, построенном еще в начале XI века — пояс торжественно выносят из алтаря. Мы все по очереди приложились к святыне.

Здесь же в соборном храме, в отдельном помещении, находится одна из главных святынь монастыря — икона Отрада и Утешение. По преданию, в 807 году шайка пиратов незаметно под покровом ночной темноты спряталась в лесу близ монастыря, рассчитывая утром, когда откроются монастырские ворота, напасть на богатый тогда монастырь, застигнув всех врасплох.

Ничего не ведающие монахи спокойно после утрени разошлись отдыхать в свои кельи, и лишь оставшийся на молитву игумен внезапно услышал голос от иконы Богородицы: «Не отвержайте врат обители, но взойдите на стены монастырские и разгоните разбойников». Тут же услышал игумен слова младенца Христа: «Нет, Мать Моя, не говори

им этого, пусть понесут они наказание...» Однако еще дважды повторила слова предостережения Богородица. На глазах у изумленного игумена чудесно изменилась и сама икона: Иисус младенец протянул руку к устам Богоматери, как бы закрывая их, но Богородица, поцеловав Его длань, успеваает отвести ее, чтобы вновь произнести слова предостережения. Лик младенца Христа суров и беспощаден, лик Богородицы, напротив, добр и сострадателен, по-доброму предостерегает она монахов...

Разбойникам в тот раз не удалось застать монастырь врасплох, а в знак благодарности Заступнице перед иконой горит и поныне неугасимая лампада. С той поры пострижение в монахи в Ватопедском монастыре проходит именно в этом приделе храма...

Еще одна из нескольких чудотворных святынь Ватопеда напрямую связана со сложившейся традицией отсутствия на территории Святой Горы женщин.

Дочь императора Феодосия Великого Плакидия в 382 году решила совершить путешествие на Святую Гору, чтобы поклониться чудотворной иконе Божией Матери, хранящейся в Ватопедском монастыре. Узнав об этом желании, втретившие ее иноки испугались, однако не стали возражать, несмотря на действующий в уставе запрет. Входя же в соборный храм, Плакидия была остановлена грозным голосом Богоматери: «Здесь иноки, а ты жена... для чего же ты дашь врагу случай ратовать их преступными помыслами? Остановись, если ты хочешь себе добра».

Плакидия стала просить о помиловании, а в знак этого события построила предельный храм св. Димитрия Солунского и на том месте, где услышала голос Богородицы, велела изобразить икону Богоматери, где та находится и поныне, называясь Живопрятною или Предвозвестительною...

Вечером возвращаемся домой, в Пантелеймоновский, а утром после завершения службы и трапезы идем к отцу Макарию — духовнику монастыря. У о. Виктора есть какие-то поручения. Там же встречаем архимандрита Иремию — игумена монастыря. В простой шапочке, без клобука, он кажется не таким величественным, как на службе или в трапезной, но не может не поражать глубокий, спокойный, умиротворенный взгляд его глаз, добрая и мудрая улыбка. Получаем благословение и просим сфотографироваться на память. Отцы не возражают, дарят нам на память фотографии монастыря, иконы, памятные открытки...

А нас уже ждет у причала вчерашний катер. Теперь едем вдоль западного побережья — начинаем с самого дальнего на Севере — монастыря св. Павла. Он расположен в горах, на высоте около двухсот метров, в получасе ходьбы от моря. Рядом с монастырем вдоль дороги — террасы с огородами и теплицами и виноградники...

Дорога достаточно крутая, и наша процессия растянулась довольно значительно. Перед входом в монастырь — беседка. Немного посидев, входим в монастырские врата.

Сначала — традиционная встреча в фондарике. Выхожу проветриться на деревянный, скрипучий

балкон, который прямо-таки висит в воздухе над густо-зелеными стройными кипарисами. Надо мной — жаркое, голубое небо, вдалеке сверкает темно-бирюзовое море, и, кажется, ты один в этом благостном мире...

В соборном храме Сретения Господня нас встретил русский послушник, живущий в монастыре св. Павла второй год и по каким-то причинам не взятый в русскую обитель.

Из его рассказа мы узнали о том, что монастырь этот ранее был сербским, но по мере убывания братии отошел к грекам, что возрождение монастыря из упадка, нанесенного в свое время турками, стало возможным благодаря щедрой поддержке русских царей — Александра I и Николая I...

Как обычно, для поклонения вынесли святые мощи, среди которых находилась и главная святыня монастыря...

Когда волхвы, по заданию Ирода, появились в Вифлееме, то «...войдя в дом, увидели Младенца с Мариною, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему, и открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2, 11).

Частицы этих даров и поныне хранятся в монастыре, а в отдельные праздники, например на Рождество, их торжественно обносят несколько раз вокруг храма.

Русский послушник вызвался нас проводить и долго стоял на пристани, глядя нам вслед... А немного погодя мы уже приблизились к Дионисиату, величественно возвышающемуся над морем и кажущемуся высеченным из скалы, служащей ему основанием... Этот сравнительно

молодой монастырь был основан в середине XIV века.

Немного отдыхаем и длинной галереей направляемся в соборный храм Рождения Иоанна Предтечи. На стенах — фрески, изображающие различные страницы из жизни человечества — войны, взятие крепостей, пожары, кораблекрушения, лики святых...

В конце монах обращает наше внимание на изображение огромного взрыва — говорят, это предвидение чернобыльской катастрофы. Фрескам чуть более двухсот лет, но ничего невероятного нет, ибо действительно все, что делал человек в этой жизни, называя прогрессом и облегчая себе существование, как ему казалось, только удаляло его от Бога и Природы, а стало быть, было постоянно во вред.

Главная святыня Дионисиата — десница Иоанна Крестителя. Чтобы поклониться мощам, проходим в алтарь...

Опять проплывают вдоль борта скалистые берега... Еще минут пятнадцать, и перед нами следующий монастырь, Григориат. Основан монастырь святым Григорием Синаитом и ранее был посвящен св. Николаю. Чудотворная икона святого Николая и поныне одна из самых главных святынь монастыря...

В Григориате произошла небольшая незадача: никак было не отыскать монаха, отвечающего за хранение мощей — служба закончилась, и все иноки разошлись по кельям. Подождав немного, мы собрались уж было уходить, когда кто-то из наших отцов предложил перед уходом пропеть акафист святителю. Только произнесены были

последние слова, как свершилось маленькое чудо — монах появился в храме, будто нас только и искал... На прощанье он подарил нам несколько книг на русском языке — молитвослов, евангелие и другие духовные произведения. Оказывается, все эти книги издаются в Греции, в типографии монастыря святого Параклита, где мне потом, будучи в Афинах, придется побывать.

Следующая наша остановка — пристань Дафни. Здесь расположена таможня, полицейский участок, таверна. Все это размещается в двух зданиях. На наше удивление, официанты и хозяин таверны прекрасно говорят по-русски. Оказалось, что это греки, жившие у нас в Узбекистане...

Путь наш лежит дальше. Мы проплываем ставший уже родным Пантелеймоновский монастырь, ненадолго входим в Ксенофонт и уже под вечер попадаем, наконец, в Дохиарский монастырь. Название свое монастырь получил от должности одного из своих основателей — монаха Ефтимия, ключника монастыря Великой Лавры. Дохиар в переводе с греческого — ключник.

Входим в монастырь через ворота, расположенные в высокой каменной башне. Около входа с двух сторон — большие, в человеческий рост фрески с изображением архангелов Михаила и Гавриила. Архангелам посвящен и соборный храм монастыря. В храме поспеваем к окончанию службы, специально для нас выносят широкую скамью, покрывают ее покрывалом и торжественно выносят мощи святителей...

Однако главная святыня храма — икона Божией Матери Скоропослушница. Ранее эта икона

находилась над входом в трапезную монастыря. Трапезарь монастыря по имени Нил, естественно, чаще других проходил под иконою, а в темное время суток, ранним утром или поздним вечером непременно с лучиною... Однажды в 1664 году Нил услышал голос, будто бы от иконы: «На будущее время не приближайся ко Мне и не копти Моего образа». Нил не обратил внимания на эти слова, посчитав это шуткою братии, продолжая и потом ходить мимо иконы с зажженною лучиною. Немного погодя Нил вновь услышал голос: «Монах, недостойный этого имени! Долго ли тебе так беспечно и так безстыдно коптить Мой образ?» Услышав эти слова, Нил ослеп. Несколько дней он стоял на коленях перед образом и, признавая свой грех, просил Богородицу о прощении. Матерь Божия смилостивилась над Нилом, и однажды он услышал Ее слова: «Нил! Услышана твоя молитва — ты прощен и зрение опять дается тебе. Когда получишь эту милость от Меня, возвести братии, что Я их покров, промышление и защита обители. Пусть и все православные обращаются ко Мне в нуждах, и Я не оставлю никого неуслышанным. Всем, с благоговением ко Мне прибегающим, буду предстательство, и молитвы всех буду исполняемы Сыном и Богом Моим ради Моего ходатайства перед Ним. Отныне сия Моя икона будет именоваться «Скоропослушница», потому что скорую всем притекающим к ней буду являть милость и скоро внимать их прошениям». Позднее братия огородила место, где находилась икона, так что получилось что-то вроде часовни, а немного погодя рядом был устроен храм во имя Пресвятой Богородицы Скоропослушницы.

Ранним утром следующего дня покидаем русскую обитель. В Уранополис возвращаемся не на пароме, а на взятой в аренду небольшой моторной лодке. Предварительно заезжаем в Дафни на таможенный контроль, который, впрочем, осуществляется очень формально: полусонный грек-таможенник только просит приоткрыть наши сумки, даже не заглядывая в них...

Мотор взревел, и лодка набирает ход. В лучах восходящего солнца тает утренний туман, в котором все отчетливей проступает Берег святой земли с возвышающимися монастырями...

Прощай, святой Афон, а может быть — до встречи. Как Бог даст.

Лодку качает встречная волна, снопы соленых брызг долетают до нас, а сзади белоснежно пенится вода...

Пресвятая Богородица, моли Бога о нас!

3. АФИНЫ

Как это ни удивительно, но Афины, в отличие от многих европейских столиц, практически не имеют собственного, неповторимого облика. Если исключить хрестоматийный Акрополь, возвышающийся над городом, да еще несколько административных зданий середины XIX века, выстроенных в стиле классицизма, город представляет собой нагромождение стандартных железобетонных коробок...

Оромный, впечатляющий размерами храм святителя Пантелеймона. Встречаемся здесь с настоятелем — о. Прокопием, давним знакомым о. Виктора. Архимандрит некоторое время жил в Санкт-Петербурге, учился в Духовной академии...

В греческих храмах есть свои особенности — во-первых, в течение службы разрешается сидеть, поэтому собор заставлен рядами кресел, во-вторых, в храме ничем не торгуют, кроме свечей, причем свечи есть разного размера — от обыкновенных до толстых, длиною с метр. Для них существуют у икон отдельные подставки.

Вся торговля иконами, крестиками и т. д., как правило, идет в небольших магазинах. В Афинах несколько кварталов таких магазинов. О. Прокопий пригласил нас поужинать вместе, но пока занят — разговаривает с молодым парнем и что-то записывает в толстый журнал. В Греции церковь не отделена от государства, и все браки, рож-

дения и смерти регистрируются в храмах. Поэтому, например, для бракосочетания надо не только договориться с батюшкой, но и представить ему целый ряд документов, включая публикацию о предстоящем венчании в газете.

В последнее время увеличивается количество эмигрантов из России и стран бывшего Советского Союза. Специально для русских в одном из помещений храма ведется служба на церковнославянском языке...

За ужином пьем легкое афонское вино — распространенный здесь сорт, отцы вспоминают о далеком Санкт-Петербурге, об общих знакомых. О. Прокопий улыбается, предаваясь воспоминаниям, взгляд у него добрый, теплый, с едва заметной хитрой смешинкой...

На следующий день вместе едем в монастырь Параклита — минут сорок езды от Афин. Монастырь основан сравнительно недавно, постройки десяти-пятнадцатилетней давности, но полностью копируют стиль Афонских обителей... Монастырь и живет по афонскому уставу, отсюда совсем недавно группа монахов уехала жить на Святую гору... Рядом с монастырем — виноградники, апельсиновые и масличные рощи, монахи активно занимаются хозяйством, ведут новое строительство, но основной доход монастырь получает от издательской деятельности. Довольно большой объем книг издается и на русском языке — Святое Писание, жития святых, прочая духовная литература — всего более ста наименований. Тут же на стенде в библиотеке — изданная здесь Библия на чувашском, якутском языках. Уезжаем, одаренные книгами...

Утром следующего дня отправляемся к еще одной святыне — Храму Иоанна Русского, где хранятся мощи святого. От Афин ехать километров двести по горной, извилистой дороге.

Впервые об этом святом я узнал совершенно случайно, за несколько лет до поездки в Грецию. Перелистывая старые альманахи, наткнулся на атеистическую статью из серии «Православные святые — кто они?». Автор удивлялся по поводу недавней канонизации Православной церковью двух святых — Германа Аляскинского и Иоанна Русского, причем если первый святитель «прощался» автором за активную общественно-просветительскую работу, то по поводу Иоанна Русского отметить было нечего, кроме как «рабоче-крестьянское» происхождение святого...

Сколько лет сокрыт был от нас богатый духовно-нравственный мир Православной церкви, а значит, мы были лишены не только веры, но и правдивой истории, истинной культуры, а следовательно — цельного восприятия мира...

Восполнится ли это? Ведь дело здесь не только в восстановлении храмов, которые возводятся нынче с таким же пугающим энтузиазмом, как ранее разрушались... Не только в знании обрядов и обычаев, не только в регулярном посещении служб... Вернет ли нам Господь Веру? Укрепит ли нас в молитве? Дарует ли благоговейный трепет литургии? Хватит ли сил у нас стяжать благодать Духа святого?

Несмотря на официально признанное нынче положение Православной церкви, на модную привычку освящать дома, квартиры, предприятия, кажется, не Вера еще живет в душах русских,

а некоторое материалистическое стремление к некоему Высшему Смыслу и Справедливости... Не послушание — а покорность, равнодушие, не благодать, а самоуспокоенность и довольство... Да и не в силах человек оторваться от земного, и обречен в попытке осмыслить Божественное и небесное в человеческом, земном измерении...

Едем к Иоанну Русскому. Повороты горной дороги часты и круты, наш водитель выключает кондиционер, чтобы лучше работали тормоза, мы открываем окно, в салон врывается жаркий ветер.

Почему именно в этом далеком небольшом поселке, куда мы держим путь, покоятся мощи святого, глубоко чтимого Русской, а особенно Греческой православной церковью?

Св. Иоанн родился примерно в 1660 году. В период русско-турецкой войны 1711–1718 годов был простым солдатом, а в битве за осовобождение Азова попал в плен и был вместе с другими узниками направлен в Константинополь. Оттуда попадает в Малую Азию в Кессарию, в г. Пропион. Вплоть до своей кончины в 1730 году святой пребывает в рабстве у турок, у некоего Аги. Терпя ненависть и издевательства, побои и оскорбления, св. Иоанн выдерживает все испытания с достоинством, не оставляет молитвы, постится, сам совершает службы.

На все попытки обратить его в магометанство, св. Иоанн отвечал: «Я верю и имею любовь к Господу моему Иисусу Христу Единородному Сыну Божьему, и ничто не может меня заставить отвратиться от Бога. Я пленный. Поэтому слушаюсь приказаний хозяев относительно моей работы.

Но в вере в Спасителя Христа вы мне не хозяева. Я готов умереть, но не отказаться от Христа». Жизнь своей Иоанн удивил турок, и они называли его «вели», что означает святой...

Через три года после смерти св. Иоанна одному священнику святой явился во сне, сказав, что тело его осталось нетленным. Сомнения в истинности явления развеялись тогда, когда было дано знамение в виде огненного столпа над могилой святого. Вскрыв могилу, верующие христиане нашли тело святого нетленным и благоухающим. Святые мощи были перенесены в храм, где и хранились почти двести лет.

Много чудес было совершено у раки с мощами святого. Больные исцелялись, слепые прозревали, потерявшим надежду дарована была Благодать... Чудесами прославил святого Иоанна Господь на земле за неколебимое стояние в Вере.

Много испытаний выпало на долю христианского населения Прокопиона. Во время гражданской войны в 1922 году греки вынуждены были покинуть Малую Азию, где прожили более полторы тысячи лет... Вместе с нехитрым скарбом переселенцы перевозят с собой мощи святого. Выбрав в 1925 году новое место для проживания, беженцы основывают поселок Новый Прокопион, а в 1930 году закладывают храм, где и поныне хранятся мощи св. Иоанна Русского.

Архитектура собора не совсем типична для греческих храмов — нет привычных широких византийских куполов, вместо них — обыкновенная ломаная черепичная крыша, один купол в виде правильного многогранника, две прямоугольные колокольни с развевающимися гре-

ческими флагами. Перед входом — небольшой навес, где висят рубашки с длинным рукавом и косынки — вид у входящих туристов, приехавших посетить святыню, должен соответствовать канонам.

Единственный храм, который я увидел в Греции, с торговым киоском, расположенным, правда, в притворе, — повсюду иконы с изображением святого, книги, открытки, святая вода и масло в сувенирных коробочках, с изображением образа св. Иоанна и храма, с вложенной туда веревочкой, длина которой равняется росту святого.

Сразу при входе непосредственно в храм стоит рака с мощами святого. Сотни тысяч человек ежегодно посещают это место, многочисленны свидетельства о новых чудесах святого...

Чудны дела твои, Господи. Не за мужество в бою и победы вознес Ты простого русского солдата Ивана — за Веру и Любовь к Тебе, побеждающие силу любого оружия материального мира.

Словно в назидание бестолковому и суетливому человечеству, решающему земные споры на полях сражений, словно в напоминание о ничтожных ценностях материального мира...

Далеко от родины, снежной и сложной России, покоятся мощи святого... Моли Бога о нас, Святой Иоанн!

Мизгулин

Дмитрий

Александрович

родился в 1961 году

в городе Мурманске.

В 1984 году окончил
финансово-экономический

институт им. Вознесенского.

В 1993 году – Литературный

институт им. Горького.

Начиная с 1980 года

публикуется

в периодической печати.

Автор одиннадцати книг

стихов и прозы.

Член Союза писателей

России. Живет и работает

в Ханты-Мансийске.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Грозовский. Спасительное творчество</i>	3
---	---

ЗВЕЗДЫ ДАЛЕКОЙ СВЕТА

«Морозы грянули. Крещение...»	8
«Кружась во всемирном потоке...»	9
«Молюсь исправно Богу. Но...»	10
«Так повелось уж на Руси...»	11
«Не зная, что будет наверно...»	13
«И снова март. И снова слякоть...»	14
«Мгновеньем надо дорожить...»	15
«Не понять нам теперь, все одно...»	16
«Он шел толпе наперекор...»	17
«В рыбах есть что-то змеиное...»	18
«Всё учились на чужих примерах...»	19
«Зачем летали на Луну...»	20
«Когда-нибудь настанет час...»	21
«Жизнь – работа. И перечень дел...»	22
«Гордились долго – чужь и воль...»	23
«Друг мой, а что же делать мне...»	24
«Живя в эпоху перемен...»	25
«Долгий год. Тяжелые утраты...»	26
«Мы хороших не ждем новостей...»	27
«В церковь ходим и крестим лбы...»	28
«Словно из болотного тумана...»	29
«Вокруг такая суета...»	30
Старая Ладога	31
«Весной обычно спится плохо...»	32
«Предвижу скорую разлуку...»	33
В старой королевской обсерватории	34
«Жить хотелось бы получше...»	35
Духов день	36
Зима	37
«Компьютеры, ксероксы, факсы...»	38

ПОЗАБЫТЫЙ ПОГОСТ

Китеж-град	40
Раздумья в степи	42
Дорога через кладбище	43
«Дымится мгла морозного тумана...»	44
«Остывает родная земля...»	45
«Ты ждал наступленья зимы...»	46
Лесное озеро	47

В храме Федора Стратилата	48
Над храмом Бориса и Глеба	49
«Места для боли в душе не осталось...»	51
«Не дай-то Бог, случится...»	52

ПОЛУНОЧНЫЙ ЧАС

«Учись довольствоваться малым...»	54
«Небеса обличительно немы...»	55
«Была когда-то Родина. А ныне...»	56
«И флаг у нас теперь, и гимн...»	57
«Похоронив отца и мать...»	58
Страстная пятница 13 апреля 2001 года	59
«Как второсортное кино...»	60
«Кругом – бардак. Кругом – бедлам...»	61
«Смотрю телевизор, тупея...»	62
«Боже, как мы все устали...»	63
«Я высказаться тороплюсь...»	64
«Когда ненастье на пороге...»	65
«Погаснут светила в полуночный час...»	66
«Нам всем конец? Не верю!»	67
«Все выше, и выше, и выше...»	68
«Жизнь суетой такой наполнишь...»	69
«Ну вот и закончилось лето...»	70
В санатории	71
Пруд	72
Свалка	73
«На всех – и сытых и голодных...»	74
«Во тьме пропал товарищ мой...»	75
«Причинно-следственные связи...»	76
«Человек боится темноты...»	77
«Скоро мы оставим мир подлунный...»	78
«Ах, как раньше писалось!»	79
«Жизнь состоит из работы...»	80
«Какая осень! После бани...»	81
Вокзальное	82
«От Родины снежной и сложной...»	83
«В мирах ликийских...»	84
«Вьюги катятся с Ямала...»	85
«Слава Богу – все со мной...»	86
«Иная жизнь, иные сны...»	87
«Растаял след инверсионный...»	88
«Безнадежно устав от прогресса...»	89
«С зимой, похоже, все в порядке...»	90
«Умы давно поистошились...»	91
«Где-то спят большие города...»	92
«Осень скоро постучится...»	93
«Вот наконец-то и зима...»	94

И СЛЫШНО МНЕ ДВИЖЕНИЕ РЕКИ

«Похоже, слишком много знаю...»	96
С ярмарки	97
Рождество	99
«В жизни – все идет по плану...»	100
«Такая вьюга, что беда...»	101
«Критиковать и обличать...»	102
«Зачем, скажи, нудя и мучась...»	103
«В разногласии племен...»	104
«Мы стали с тобой далеки...»	105
«Смирил Господь. Болею...»	106
«Исчерпан февраль без остатка...»	107
«Вагончики. Сарайчики. Балки...»	108
«Как смеялось и пелось...»	109
«Заветное счастье украли...»	110
«Весны долгожданный приход...»	111
«Жизнь уходит понемногу...»	112
Поездка	113
«Не пряча голову, как страус...»	115
«Хватало и зрелищ и хлеба...»	116
«Делили хлеб, делили кров...»	117
«Вострубят ангелы – пора...»	118
«Хватало и зрелищ и хлеба...»	119
«Этот вечер не тронут прогрессом...»	120
«И так уж немало отмерил Господь...»	121
«Живем по человеческим законам...»	122
«В суете, в круговерти...»	123
«Избавленный от мелочных забот...»	125
«Дни нашей жизни коротки...»	126
«Давно не пахнет русским духом...»	127
Можжевельная роща	128
Царская охота	130
«Мир ночной погрузился во мрак...»	131
«Пиши, пиши, писатель...»	132

ПОД ПОКРОВОМ ИГУМЕНЬИ ГОРЫ АФОНСКОЙ

1. Солунь	134
2. Афон	139
3. Афины	166

Литературно-художественное издание

Мизгулин Дмитрий Александрович

ДУХОВ ДЕНЬ

Книга выходит в авторской редакции

Художник Т. Кулешова
Художественный редактор В. Мамаев
Технический редактор Н. Штоколова
Компьютерная верстка Т. Черепановой
Корректор Т. Сергеенко

Директор А. Мороз

Подписано в печать 18.09.06. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура PetersburgС. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,2. Уч.-изд. л. 7,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3220.

Издательство «Сократ», ЛР № 063579 от 01.09.99.
620219, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 49,
тел.: (343) 371-35-61; 355-90-35.
<http://www.idsokrat.ru>
e-mail: sokrat@idsokrat.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

БЕЛОЯРСКИЙ

УЛЫТЫ-МАНСИЙСК

НЕФТЮГАНСК

ЮГОРСК

БЕРЕЗОВО

ИЛЖЕНАЯТОВСК

ЛЕНИНГРАД

МЕЙНОМ

НЯГАНЬ

СУРГУТ

ЯКИЖАРА

102592010

Государственная библиотека Югры

